

Кажигали Муханбеткалицы

Родился 8 декабря 1942 года в Байганинском районе Актюбинской области. Заслуженный деятель Республики Казахстан. Окончил филологический факультет КазГУ. Перевел на казахский язык произведения Р. Акутагавы, С. Мозма, П. Мэриме, Ги де Мопассана, Д. Фонвизина и многих других зарубежных писателей. Автор целого ряда книг, повестей и рассказов, в том числе сборников «Старые друзья» (1981) и «Дороги жизни» (1986), вышедших в издательстве «Жазушы». Исторический роман «Тяжкие времена» («Тар кезең»), над которым автор работал около 25 лет, был удостоен Государственной премии РК за 2014 год.

ТЯЖКИЕ ВРЕМЕНА

Исторический роман

Глава первая

– Господин барон, вас приглашает генерал-фельдмаршал!

Едва слышав уже сам этот титул – «генерал-фельдмаршал» – барон Игельстром, столько времени дожидавшийся желанного вызова, вздрогнул всем своим телом и вытянулся в струнку с поспешностью, свойственной лишь человеку, вся жизнь которого прошла на военной службе. Когда смысл слова «приглашает» окончательно достиг его сознания, барон, ступая по паркетному полу, так, будто намерен был пробить его каблуками сапог с железными подковками, сам не заметил, как взялся за позолоченную ручку высокой двухстворчатой двери.

За одной дверью, однако, следовала другая дверь... Осипу Андреевичу и прежде доводилось бывать здесь. Сразу вспомнил он и то, что далее, за двойными дубовыми дверями, во всю длину кабинета, ярко переливаясь под солнечными лучами своими пёстро-красными цветами, протянулась мягкая ковровая дорожка. А на дальнем краю этой прогибающейся под ногами, мягкой и пёстрой ковровой ленты, стоял (наверное, и сейчас стоит), вроде бы, совсем и небольшой, когда глядишь на него издали, и – огромный, когда приблизишься к нему вплотную, письменный стол... А уже за этим письменным столом, расположенным на дистанции, сначала издали видишь кого-то, вроде, совсем небольшого, нахохлившегося как сова. Однако чем ближе ты подступаешься к нему, тем крупней и крупней он постепенно становится. Он становится крупнее, а ты вдруг сам по себе начинаешь съёживаться и чувствуешь, что становишься постепенно всё меньше и меньше. А каким жалким окажешься потом, когда приблизишься к нему совсем уж вплотную, так об этом не стоит, пожалуй, и говорить. Мистика, но именно здесь, а ни в каком ином месте, явственно и зримо начинаешь ощущать, где теперь находятся сегодняшние мощь и могущество, пуп Великой России, слава и грозная сила которой известны всему подлунному миру. И если в другое время и в других местах ты, вроде, и не задумывался об этих понятиях, то именно здесь начинаешь вдруг осознавать и даже осязать их, да так, что теперь и не забудешь, наверное, никогда в своей жизни... Потому что – здесь и есть то самое место, где

обретается сам Главнокомандующий всеми морскими и наземными, сухопутными и водными, конными и пехотными вооружёнными силами необъятной России, занимающей целых полмира; России, от могущества которой трепещут и цепенеют ныне и Запад, и Восток. И ещё – это была теперь приёмная не какого-нибудь там заурядного выскочки, а истинного служаки, прошедшего смолоду через огонь и воду и даже принимавшего непосредственное участие, – безоглядно поставив на кон собственную голову, – в перевороте по возведению на престол Её Величества царицы Екатерины II; а также добровольно участвовавшего на недавней русско-турецкой войне, отважного и бесстрашного, не единожды показавшего себя героем; проявившего отвагу на Фокше, Ларге, Кагуле и в Улетах; в своё время – самого близкого человека при Императрице, Сиятельного графа, по воле всемогущей нашей государыни-матушки названного императором Иосифом II восемь лет тому назад одним из почётных князей священной Римской империи и лишь недавно получившего звание генерал-фельдмаршала и занявшего вместе с высокой должностью и этот высоченный кабинет.

И вот барон Игельстром, приглашённый на приём Президента Государственной военной коллегии, самого генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина, шёл и шёл по той долгой-длинной ковровой дорожке. И когда он уже одолел половину пути, человек за ставшим уже необъятным столом, вроде как приподнялся с места.

Не успел ещё Игельстром, несколько ускорив свои шаги, вымолвить:

– Светлейший князь...

...как хозяин, переполняя эхом просторный кабинет, радушно подал громкий голос и тут же, сам поднявшись с места, поздоровался с посетителем за руку:

– А, генерал... Проходите, проходите!

Похоже, у генерал-фельдмаршала сегодня приподнятое настроение; и когда он широченной, как совковая лопата, ладонью стиснул гостю руку, пухловатые пальцы барона сжались, словно колбаски.

– Ну, присаживайтесь, – пригласил затем хозяин кабинета, не обращая внимания, что у барона проступили на лбу капельки пота. – Благополучно ли добрались?

– Спасибо, светлейший...

– Ладно, ладно, голубчик! Не затем я вас пригласил сюда, чтобы мы с вами обменивались любезностями и расшаркивались друг перед другом. Дело у меня к вам, барон. Сказать по чести, мне давно известны и ваше отменное служебное рвение, и способности, не ударяя себя в грудь, как некоторые прочие, дотошно исполнять порученное вам дело. Откуда известно, спросите вы меня? Хоть мы, пожалуй, теперь уже по различным причинам несколько отделились друг от друга, однако же изредка да выпадают случаи свидеться с друзьями нашей общей молодости. А они и нынче люди довольно известные... Вы знаете, наверное, Дениса Ивановича... Фонвизина... Якова Булгакова... Да-да!.. От них я и слышал о вас. Ведомо мне, кроме того, и о ваших личных мужественных поступках. Думаю, никто не забыл ещё, как вы отменно проявили себя в пору недавнего сражения с турками, во время взятия Аккермана...

Косая сажень в плечах, двухметрового роста, необычайно крупный от природы генерал-фельдмаршал теперь выпрямился во весь свой огромный рост и единственным глазом своим улыбочиво посмотрел на барона.

– Да, всё это в свою очередь... позволяет мне выдвинуть вас на одно освобождающееся, весьма ответственное и полное хлопот место.

– Готов служить вашей милости, светлейший князь! – Игельстром едва не вскочил с места, однако встретившись взглядом с единственным глазом пристально уставившегося на него Потёмкина, неподвижно застыл на стуле, словно проглотил скалку.

– Да-а... Осип Андреевич, а вы, оказывается, всё ещё только генерал-майор... Это ничего, я уже предложил повысить вас в звании на новой вашей должности. И Александр Андреевич это предложение одобрил. Вы, думаю, знакомы с графом... Безбородко? Весьма способный и деятельный человек. К тому же год нынешний, похоже, ещё и стал годом этого человека. Он достиг чина тайного советника – раз... Награждён орденом Святого Александра Невского – два, считайте. А недавно ещё и стал обладателем должности второго руководителя Коллегии иностранных дел. Три! А если этого, вы полагаете, мало, то сообщу, что жалование его приравнено к жалованию вице-канцлера. А вдобавок к этому в Малороссии ему выделены земли с тремя тысячами душ. Кроме того, выдано милостивое разрешение со стороны Её Величества на получение им графского титула, предложенного императором священного Рима. Разумеется, Александр Андреевич и прежде не был обделён ни землями, ни крепостными душами... И в связи с Крымским делом ему тоже были выданы обширные земли в Белоруссии, а также он был награждён орденом Святого Владимира I степени. Однако следует сказать, успехи нынешнего года – это уже достижения, которыми ему можно откровенно гордиться. Я, барон довольно подробно поведал о вас этому человеку. Сообщил, что вы происхождением из дворян Лифляндии, не забыл упомянуть и о том, что ваш исконный род идёт от мужественных витязей древнего племени Вэнга. Если хочет, пусть посмотрит матрикулы Лифляндской и Эстляндской губерний! – Несказанно рослый и крупный Потёмкин с наслаждением посмеялся, трясаясь обширными плечами. Чуть посидел, успокаиваясь, затем опять перешёл к обстоятельному разговору:

– Вы, вероятно, знаете, что граф Безбородко лет десять уже является секретарем Её Величества?!

– Разумеется, Ваша светлость! – По ходу того, как генерал-фельдмаршал перечислял всю родословную Игельстрома и даже поведал, что имена его предков зарегистрированы в матрикулах Лифляндской и Эстляндской губерний, барон просто тарачил глаза от изумления и восторга и теперь едва вынудил свой язык вымолвить эти несколько слов. – Разумеется, разумеется! – повторил он растерянно.

– Тогда для вас не новость, что с тех пор, как пять лет тому назад граф стал членом Коллегии иностранных дел, то именно он каждый день сообщает Её Величеству об особо важных международных коллизиях. Именно он – граф Безбородко! И не только сообщает, а ещё и в последние годы этот человек активно участвует в подготовке и претворении в жизнь самых главных международных актов нашей великой империи... Наверное, теперь вы поняли причину особо милостивого отношения к нему Её Величества Екатерины II? – спросил после некоторой паузы.

– Разумеется, светлейший князь!

– Да-а... матушка-государыня настолько безгранично доверяет ему, что никогда не было случая, чтобы не прошла кандидатура, предложенная на ту или иную

должность графом Безбородко. Да и сам он человек весьма осторожный. Любое дело, за которое возьмется, семь раз тщательно обмозгует и отмерит сначала, а потом лишь один раз отрежет. При назначении вашего друга Якова Ивановича Булгакова послом в Порту¹, граф, дотошно покопавшись в его прошлом и настоящем, рассмотрев до мелочей всю его родословную, узнал, в конечном счёте, что во время давней поездки князя Репнина с пятьюстами человек на переговоры с турецким султаном Абдулхамитом в составе посольства был и Булгаков. И то в особенности, что в пору переговоров с главным визирем именно в результате активной деятельности Якова Ивановича Порты признала самостоятельность Крыма и его независимость от обеих сторон. Вы сами знаете, это явилось началом перевода Тавриды под эгиду России...

Может быть, от воспоминания о том, что он и сам вложил немало трудов в превращение в жизнь этого великого замысла, в котором великая Россия была особо заинтересована, и о том, что дело это державное далось нелегко, на крупном лице генерал-фельдмаршала – с серповидным шрамом после раны как раз от турецкой сабли, полученной в ту давнюю пору, когда он был еще волонтиром, – застыла вдруг суровая и угрюмая стужа. Так, угрюмо морщась и хмурия бровь, он посидел ещё немного, а затем сказал:

– Да-а! Да, – повторил, – граф Безбородко даже изучил и то, что, когда я отправился отделить от шляхетной Украины Новороссийскую губернию, в определении границ участвовал и Булгаков. Так-то... Теперь, наверное, понимаете, почему я, не дожидаясь, когда граф сам спросит, заранее до мелочей поведал ему всю вашу подноготную, всю вашу родословную.

– Спасибо, Ваша светлость!

– Теперь, не спешите, господин барон. Сегодня хорошенько отдохните, небось, утомились в дороге... Потом встретитесь с графом и сообщите мне, что и как прошло.

– Разумеется, светлейший князь! Буду считать себя всегда в долгу за вашу отеческую заботу.

– Полноте! Полноте... барон! Не спешите благодарить. Думаю, пока на этом мы с вами простимся.

– Будьте здоровы, светлейший князь!

– До свидания, барон!

* * *

Хотя после аудиенции у президента государственной военной коллегии генерал-майор от инфантерии Игельстром и вышел с ощутимой дрожью в коленках, – так это генерал, ему положено, а вот аристократ Игельстром, дворянин в семи поколениях, барон Осип Игельстром, вышел с настроением, переполненным светлой верой в будущие дни и бьющей ключом молодой энергией.

Чего уж там скрывать: хоть он и приблизился к пятидесяти годочкам, а всё ещё оставался лишь одним из множества генералов и начинал уже терять всякую надежду на чины и повышения, награды и признание заслуг. И это тогда, когда его ретивые, добившиеся уже всего возможного сверстники, давно взяв у жизни всё, до чего дотянулись руки и связи, и давно отдав всё, что могли отдать, жили себе припеваючи. Не говоря уж о тех, кто помоложе него на год-другой,

¹ Порту – Турция.

но куда удачливее и пробивнее и даже зелёная ещё молодёжь, у которой молоко-то материнское на губах ещё не обсохло, отчаянно, стремительно росла, оттирая безудержно друг друга и особенно – его, Ингельстрома, ровесников. Не говоря уж о существующих с тех пор, как Её Величество императрица Екатерина II заняла царский трон, четырёх полках лейб-гвардии, шести батальонах гренадеров, семнадцати полках кирасиров и пятнадцати полках драгунов, а также о гусарах, состоящих в семи полках, – сколько здесь, в том золотом садке, питомнике претендентов мечтают о получении больших чинов и должностей! А ниже – в сокока восьми полках пехоты, составленных лишь из мушкетёров, и в пяти полках обсервационного корпуса, и в тридцати пяти полках пограничных гарнизонов, а также в артиллерийских и инженерных полках, кадетском корпусе, где готовят пехотных офицеров, – тут, внизу, честолюбивые мечты ещё жарче! Впрочем, даже если не упоминать весь этот сонм страждущих почестей и богатства, всё равно барону Игельстроуму, разумеется, ведомо, что вокруг Её Величества государыни, в самом дворе и окрест тамошних вельмож немало таких, что на ходу подмётки рвут, куда шустрее него. И надеяться обойти их и даже превзойти, достичь чего-либо большего казалось по большей мере гордыней, а по меньшей – просто наивной глупостью. Думая так, барон Игельстром вовсе не считал, что у него род более захудалый, нежели у других, или что те превосходят его умом и энергией: если хотите, когда дойдёт до дела и до претворения этого дела в жизнь, то он знает наверняка, что по способностям своим и знаниям, по деловой хватке не уступит никому. Но кто мог бы сейчас поддержать его – потомка династии небольшой кучки дворян – выходцев из Лифляндии?! Ему и самому яснее ясного, что надеяться на высокое место, не имея в Санкт-Петербурге крепкой поддержки или не сыскав в самом дворе какую-либо надёжную опору, в нынешние времена всего лишь пустая фантазия. Да к тому же, что поделаешь, коли не даны ему от природы ни хитроумие, ни пробивные качества? А вот здравый смысл – он у него имеется. Жизнь не обходится без борьбы, и, когда многие отчаянные головы вступали в разные афронты, и некоторые его сверстники даже сумели между делом оказаться в чести, он в своё время не становился, подобно им, ни на одну, ни на другую сторону противоборствующих партий. И если поначалу ему казалось, что всё, кроме честной службы царю и задач великой империи, пустое; что все противостояния – это лишь преходящие распри и раздоры, скандалы и словопрения, порождённые чьим-либо взбудораженным высокомерием, то с годами он стал уже полагать: да, следует стоять подале от смутных дел, к которым, слава Богу, не подключался и смолоду. Но так, со своим прибалтийским здравым смыслом с годами и оказался в стороне от всего. Однако от этого у него отнюдь не притупилось чувство долга. Наверное, поэтому, когда дело касалось служебных обязанностей, он всегда, не испытывая робости, мог прямо смотреть в глаза хоть какому большому начальству. Зато требовательность его только возросла – и к себе, и к другим. Особенно в последнее время... Ему горько становилось и от того, что большие шишки с верхов – среди них особенно господа, рано добившиеся высоких должностей и поблескивающих отличий, бывая на местах, в воинских подразделениях, вместо того, чтобы дотошно проверить всю подноготную того или другого дела, не вникали особо ни во что. И, нагруженные подарками, отъезжали себе довольные тем, что «видели». «Всё правильно, всё хорошо». Он поражался, думая, чем же тогда оплачиваются раздаваемые там, в

столице, при дворе Санкт-Петербурга, столь высокие чины и награды. Да и не в чинах же и наградах-то в конечном счёте суть, а в том, каково же станет завтра, когда судьба великой России будет вручена в руки этих, достигших власти, не успев утереть с губ материнское молоко, не вникающих в истинное положение дел, ожидающих лишь почёта и уважения?! И он терялся, упершись в такие мысли. Ан, оказывается... не-ет! Всё же не только они, беспринципные карьеристы, составляют русское дворянство. Но есть, выходит, и те, сильно вышестоящие кто отбирает действительно сильных, способных взять в будущем в свои руки бразды правления страной. Есть, есть вельможи, умеющие ценить человека не по родословной, а по возможностям его и качествам.

– Зайдите к графу... Переговорите с Александром Андреичем, – сказал ему князь. – Это человек, который семь раз отмерит и лишь один раз отрежет. Такие, наверное, и блюдут, как зеницу ока, неистощимую мощь великой Империи!.. И слава Богу! Иначе, если вся государственная власть была бы роздана только близким к постели владычицы трона и тем, кто вьется вокруг неё, этот «ближний круг» составили бы лишь никчемные проходимцы, и столь необъятную страну давно уже терзали бы, разрывая её в клочья, как псы овчину, алчные недружественные государства. А пока они не только не способны растерзать занимающую столь большое место, раскинувшуюся на карте мира, подобно огромной воловьей шкуре, могучую Россию, но не решатся даже ткнутья зубами в отдалённые её уголки. Наоборот, сами, небось, трясутся, как бы не потерять своё. И всё это благодаря, разумеется, лучшим русским сыновьям, доказавшим и мужеством своим, и трудами неустанными, что они достойны управлять таким государством. Наверное, и Александра Андреича люди не зря называют в числе таких, вот, достойных мужей... Всё-таки, испытал и повидал он немало. Прошёл твердую школу государственного управления. Говаривают, с девятнадцати лет служил под началом знаменитого полководца фельдмаршала Румянцева. В двадцать один год, будучи членом Верховного суда в Малороссии, сам добровольно попросился на русско-турецкую войну. Сказывают, в пору похода на Буг командовал Нежинским полком; а позже был командиром Лубянского, Миргородского, Компанийского полков. Судя по рассказам знающих людей, когда в пору той войны Главнокомандующим был назначен Румянецв, Безбородко снова воротился под начало фельдмаршала. И, вызвавшись по своей воле, участвовал на передовой линии в сражениях, проходивших 4 июля 1770 года на Ларге, 21 июля на Кагуле. Знаменитый фельдмаршал, оценивший мужество и человеческие качества Безбородко, говорят, и после окончания войны уже не отпускал его от себя, а привёз его с собой, назначив начальником своей канцелярии, а также исполнителем секретных поручений. (Потом протеже фельдмаршала уже занял должность в приёмной посетителей Её Величества и достиг, в конечном счёте, нынешнего своего положения). Второй руководитель Коллегии иностранных дел!.. Судя по тому, что князь сказал: «Зайди к графу Безбородко», – хотя, видимо, они впрячь меня в работу по пограничным делам. Куда же намерены послать меня? Какое дело думают поручить?.. Или решили отправить в какое-либо посольство? Куда? В какую сторону? В какую даль мне выпадает дороженька?..»

Барон, убаюканный монотонно цокающими звуками лошадиных подков по булыжной мостовой, ещё не справившийся с волнением, с которым вышел из конторы Военной Коллегии, поймал себя на том, что воображение его разметалось.

по всему свету, и тут же остановил сам себя. «В таких случаях было бы лучше хоть с кем-то да посоветоваться, – подумал он теперь, планируя про себя, что делать ему и как быть после сегодняшнего разговора. С кем же обменяться мнениями? Куда лучше пойти? Кто же из его приятелей хорошо знаком с работой Коллегии иностранных дел? Что касается Якова Ивановича, то он сейчас находится в Порте. После того, как турками были вскрыты тайные действия прежнего посольства, интриговавшего в пользу присоединения Крыма к России, и едва не избитый чернью Константинополя посол Стахийев с трудом уцелел, Императрица послала в Порту Чрезвычайным и полномочным Министром Якова Булгакова. Отправившийся туда в 1781 году Яков Иванович ещё не воротился. Судя по тому, что говорят, он, занимающийся теперь особо важными делами, вряд ли вернётся назад в скором времени. Кажется, только теперь начали налаживаться отношения со страной, постоянно находившейся во вражде с Россией... Не в прошлом ли году у нас столь превозносили Булгакова, подписавшего мирное торговое соглашение с Турцией? Мало того – счастье, выпадавшее немногим и самым сильным деятелям – и вопрос об окончательном присоединении Крыма к России решила, оказывается, именно активная деятельность Булгакова. Разве не превратились в легенду разлетевшиеся на весь Санкт-Петербург слова Потёмкина, сказанные им в похвалу неколебимости Якова Ивановича в пору того дела, которое едва не переросло в международное противостояние: «Ваша твёрдость, деятельность и ум отвратили войну. Турки были бы побеждены, но русская кровь также бы потекла»?! Кто же его воротит теперь, покамест он сполна не завершит начатого им дела? Да, вопрос по Крыму решён, крымский хан Шагингерей, перейдя в подданство России, проживает в Воронеже. Но это только начало большого пути. Да уж, действительно, не воротится Яков Иванович в скором времени... Кстати, есть же ещё и Денис Иванович. Разве и он не служил в Коллегии иностранных дел со времён знаменитого графа Никиты Ивановича Панина и до буквально недавних дней?! Да-да... Уж если кто-то и знает все тонкости этой Коллегии, то уж наверняка Денис Иванович Фонвизин».

Если вся Россия знала Дениса Ивановича лишь как комедиографа, то поддерживавшему с ним давние уважительные отношения барону Игельstromу было известно и о его службе в Коллегии иностранных дел. Прослышав, что молодой человек Денис, взбудораживший Петербург своей комедией под названием «Бригадир», является потомком рыцарей Лифляндии, Игельstrom и познакомился с ним сперва по «лифляндской линии», а потом уже они постепенно превратились в приятелей-наперсников. И, поскольку общались довольно тесно, то, несмотря на разницу в возрасте, провели вместе немало прекрасных вечеров. И с Яковым Ивановичем на одной из подобных вечеринок познакомил Игельstromа Денис Фонвизин. Оба они, обучаясь в гимназии, а позже и в студенческую пору, оставались всегда неразлучны. В начале шестидесятых годов в журнале Хераскова «Полезное увеселение» были напечатаны первые творения юного Дениса, в том же журнале увидели свет и переводы Якова. Поступивший несколько раньше них, в 1757 году, в Московский университет этот самый Потёмкин побывал на следующий год в числе двенадцати отборных студентов на приеме у Её Величества государыни Елизаветы, а после был исключён из университета за пропуски занятий, но он тоже какое-то время был с ними в дружеских отношениях. (Об этом сегодня фельдмаршал, видимо, и вспоминал, когда говорил: «Друзья нашей молодости...»). «Хочу выдвинуть вас на одно освобождающееся весьма ответ-

ственное и полное хлопот место», – так ведь сказал он? Может быть, причиной тому стала как раз подсказка Якова Ивановича Булгакова? Всё-таки они с младых ногтей хорошо знают друг друга. Правда, как опять же сказал сам ныне являющийся Президентом Государственной Военной Коллегии князь Потемкин, «они давно отделились друг от друга!» И в том, что пути их разошлись, виновато не только время; не стало главной преградой и то, что все они находились теперь в различных сферах деятельности. Барон Игельстром хорошо знал, что разделяет всех в первую голову: раздоры и противостояния политических сил, находящихся во главе страны. Если когда-то все до единого из нынешних вельмож были заинтересованы в том, чтобы ссадить с трона Петра Фёдоровича (Петра III), то трещина, которая со временем пролегла между прежними заговорщиками, постепенно превратилась в живую кровоточащую рану. Начало вражды и раздоров, похоже, в основном было порождено давним несогласием между ними. Изначально большая группа во главе с братьями-графами Никитой Ивановичем и Петром Ивановичем Паниными соглашалась с властью Екатерины над страной лишь до совершеннолетия наследника престола царевича Павла; однако когда царевич и достиг совершеннолетия, воля ставшего взрослым царского сына оставалась по-прежнему ограниченной. Причиной были корыстные действия стремящейся держать всю власть в своих собственных руках царицы Екатерины. И эту корысть Императрица претворяла в жизнь путём решительных действий старой гвардии и графов Орловых, а несколько позже – Потёмкина и таких, как Потёмкин. А возмущённые этим братья Панины ушли в оппозицию. Барон Игельстром из собственных уст Дениса Ивановича слышал, что его взгляды изначально были ближе к стороне Паниных, да к тому же и душа была настроена враждебно к ничем не ограничиваемой самодержавной власти, потому он и поддерживал эту группу и написал политическое предисловие к подготовленному братьями-графами Проекту – «Фундаментальные законы управления государством». То ли это и стало, в конечном счёте, причиной опалы для него, то ли и сам Денис Иванович, под стать своим знаменитым предкам-рыцарям, заупрямился и остался стоять на своём, – одним словом, завершилось всё тем, что года два назад он в свои тридцать семь лет навсегда вышел в отставку. Однако долгое время служивший и секретарём, и помощником начальника Коллегии Иностранных дел Никиты Ивановича Панина (когда в далёкой стране за океаном, Америке, шла непримиримая кровопролитная война против гнёта англичан, то в связи с этими событиями, привлёкшими внимание всей Европы, по личному заданию Панина побывал в Париже и встретился там тет-а-тет с русским послом князем Барятинским), Денис Иванович наверняка дотошно знает все хитросплетения этого учреждения.

«Да-а... Надо повидаться с Денисом Ивановичем, – подумал Осип Андреевич, сходя со своей кареты у дома младшей сестры. – Непременно следует встретиться с ним завтра!»

* * *

– И посоветоваться-то предварительно тебе ни с кем не удалось... Да сопутствует тебе удача....

– Да-а, когда бы исполнялось всё, что мы, простые смертные, задумываем, то, пожалуй, в жизни этой исчезла бы надобность любых усилий... Что ж, делать нечего, пойду теперь к графу, уж так вот, безо всякой подготовки, Аннушка!

– Да поможет тебе Бог, Отто! – сказала сестрица, щепотью коснувшись лба, груди, затем плеч брата и тем самым осенив крестным знаменем Осипа Андреевича. – Ты только не забывай, что пока не воротишься, я буду сидеть как на иголках... Возвращайся, пожалуйста, быстрее!

– Не надо переживать, голубушка моя! Не переживай...

У Осипа Андреевича защемило сердце при виде истомленного лика давно хворой и одинокой сестрицы своей и её таких робких и жалостливых глаз, на которые разом навернулись слёзы. И он, не выдержав, опрометью выскочил из дому.

«Да, пусть только поможет мне Бог... – подумал, то ли повторяя мысленно недавнее пожелание сестрицы, то ли сам взмолившись от чистого сердца перед предстоящим визитом к графу. – Да поможет мне Бог!»

И усевшись уже в карету, не в силах сдержать нахлынувшего на него волнения, стал рыскать взглядом по окнам двухэтажного желтоватого дома. И сумел вдруг разглядеть очертания сестрицы, робко смотревшей на него из-за стекла залы на втором этаже и то и дело махавшей ему платочком!

– В Зимний! – сказал вознице. – Трогай!

Лёгкая карета, запряжённая четвёркой лошадей, тут же понеслась вперёд. И лишь тогда, когда оставив позади одну за другой глухие улочки, выбрались на набережную Невы, Осип Андреевич, наконец, вздохнул свободнее.

Об эту пору столица, спозаранку принимавшаяся за житейские свои будни, уже гудела, как пчелиный рой. И куда ни глянь, повсюду непрерывное движение и мельтешение; повсюду люди, торопящиеся по своим делам; и в какую сторону ни напряги свой слух, всюду слышится урчание пил, режущих леса, перестуки молотков да перезвон топоров... Со всех сторон идут в рост удивительные здания и необычайной красоты дворцы.

Хоть солнце сегодня и затянули вдруг мрачные тучи, всё же воздух и тих, и спокоен. Разве что только порой дохнёт лёгкой прохладой со стороны Невы, а так и не ощутишь даже, что уже совсем вплотную подступила осень. Ещё чисты мостовые, выложенные округлыми булыжниками. И лишь редкие пожелтевшие листья деревьев, дремлющих вдоль улиц, подрагивают, готовясь вскорости слететь со своих материнских ветвей.

За считанные годы, что барон не был здесь, Петербург претерпел заметные перемены – вот ведь и вчера, подъехав к расположенному в одном из тихих закоулков улицы Галерной дому друга своего Дениса Ивановича Фонвизина, барон едва сумел узнать место, где ему не раз уже доводилось бывать прежде. Всюду окрест уложен булыжник, всё вокруг сияло красотой. Куда ни глянь, чувствуется любовное прикосновение очень радетельных и дотошных рук. И без того высокие дома стали выглядеть ещё горделивей, построенное почему-то поперек улицы здание английского посольства, став ещё надменной, застыло величественно, будто не перегораживало всю улицу Галерную, а даже возвышало ее собою.

Игельстром тогда постучал в ворота своего друга, обуреваемый самыми невероятными чувствами. И хоть основной его целью и было всего лишь не спеша посидеть с Денисом Ивановичем, порасспросить его о сути могущественного учреждения, именуемого Коллегией Иностранных дел, о том, чем там занимаются и как ведут себя начальники и подчинённые, и как-то заранее подготовить себя к ответственному рандеву у графа Безбородко, не лепетать потом, как малое дитя, что-то себе под нос перед своим будущим начальником, но на душе всё равно

было тревожно. Имелось у него и намерение услышать что-либо о внешнем и внутреннем положении дел в стране, расспросить, что говорят об этом власть предержащие вельможи и каковы на это взгляды петербургского света... Вдобавок же Осип Андреевич, хоть и успел посмотреть два года тому назад постановку взбудоражившей всё просвещённое русское общество пьесы своего друга «Недоросль», – тогда люди, совершенно незнакомые с Денисом Ивановичем, швыряли на сцену возведённого из дерева летнего театра на Царицыном Луге свои кошельки, набитые золотыми и серебряными монетами, свистели и улюлюкали, барон тоже швырял деньги, – но... Но уехал тогда, так и не сумев от души пожать руку автору и сердечно поздравить его со столь блистательным успехом. И теперь очень сожалел об этом – не обиделся бы его друг и патрон. Надо будет исправить оплошность теперь. Барон Игельстром очень надеялся, что Денис Иванович, не склонный никогда удерживать в себе то, о чём думает, имеющий привычку выкладывать правду-матушку в глаза кому угодно, и на этот раз, будучи уже в отставке, и вовсе станет говорить, ещё откровеннее обычного, высказывая без обвиняков свои столь искрометные мысли... Барон вчера нисколько не сомневался в этом. Потому что давно знал не тушующийся ни перед кем, бесстрашный характер Дениса Ивановича, который, несмотря на ворчание самой царицы Екатерины после постановки «Недоросля», мол, «мне и жить-то стало теперь труднее... что же ещё остается, коли даже господин Фонвизин желает советовать, как мне царствовать», – несмотря на это, в прошлом, 1783 году, опубликовал в журнале «Собеседник любителей российского слова» и «Опыт российского сословника» и затем «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особенное внимание». Последние особенно явно содержали в себе глубокие подтексты, направленные против самой Императрицы.

Однако вчера оказалось, что друга, увы, нету дома. Денис Иванович не однажды говаривал, что супруга его – госпожа Роговикова – давно недужит, и нужно бы её куда-либо повезти на лечение. Вот он и, оказывается, отъехал с нею нынешним летом в Италию. Прислуга сказала: «Даст Бог, на следующее лето и воротятся».

И вот теперь... Осип Андреевич едет ко второму руководителю Коллегии иностранных дел графу Безбородко безо всякой предварительной дружеской подготовки, с одним лишь коротеньким поклоном, переданным давеча князем Потемкиным.

... Когда лёгкая карета стремительно проносилась мимо огромного дома Строгановых на пересечении Невского и Мойки, взгляду барона торжественно явился и Зимний Дворец. И тут же Игельстром, самым решительным образом отринув все свои попутные мысли, собрал себя в единый кулак и стал настраиваться на то, как нужно будет держать себя, что следует сказать и о чём лучше промолчать ему сейчас, когда окажется на приёме у самого графа Безбородко.

* * *

«Во всём Дворце, не поднимая головы, работает только один человек... Это – Безбородко», – говаривали о нём, кто всерьёз, а кто и с насмешкой, однако же доля правды здесь была.

– Ваше превосходительство, если не ошибаюсь, вы, кажется мне, и прежде бывали на землях этих туземных народов? Не так ли? – сказал граф, переходя после коротенького приветствия непосредственно к сути разговора.

Глаза Игельстрема полезли от этого вопроса на лоб, но мешкать было нельзя – прямо напротив него сидел, ожидая ответа, граф с глубоко посаженными глазами матерого вепря, внезапно повстречавшегося в густых камышовых зарослях.

– Да-да... – ответил барон растерянно. – Вы, наверное, говорите о землях башкир, мешчеряков и черемисов? – Пухловатый указательный палец барона, устремившийся по только что указанному Безбородко следу на разостланной перед ним карте, очертил в южной части Уральских гор круг величиной с заплатку на солдатском колене. И лишь затем, придя в себя, Осип Андреевич продолжил чуть спокойней. – Конечно, я не могу утверждать, что знаю эти места хорошо... Но действительно я там бывал. Командовал кавалерийским эскадронам под началом Ивана Ивановича Михельсона в пору бунта самозванца Емельки.

– Стало быть, вы не станете говорить, что совершенно ничего не знаете о состоянии и положении этих народов? Хоро-шо-о...

Не успевший понять что есть «хоро-шо-о», Игельстром, воспользовавшись, что Безбородко на какой-то миг отвлёкся мыслями на что-то иное, незаметно для него осторожненько, краешком глаза оглядел его лицо. На узком, всего лишь в ширину двух сложенных пальцев высотой, лбу волосинки густых и щетинистых, кустисто растущих бровей разметались каждая в свою сторону. Застыли, как будто промёрзли, очень глубоко посаженные маленькие глаза, и сам он, не мигая, отдался всецело какой-то мысли. И без того обвисшие мясистые губы, обвисли ещё сильнее, сделал ещё большим его и без того большой, сомовий рот.

Именно в этот момент барону вдруг вспомнились слова, якобы сказанные фельдмаршалом Румянцевым-Задунайским... Один из сановников, приехавший с верхов для проверки, говорят, спросил между делом у графа Задунайского о подчинённых ему секретарях. И тогда кажущийся весьма строгим на службе, однако весьма простодушный и откровенный в обыденной жизни полководец, якобы, расхохотался и отпустил про своих секретарей Петра Завадовского и Александра Андреевича Безбородко: «Один прямо как Адонис, но с придурью; а второй зело умён, но любая жаба его краше».

«Любая жаба его краше» – именно о Безбородко... Хоть по возрасту граф перевалил лишь где-то за середину тридцати годочков, ликом однако был несколько изношен: сам же довольно невзрачен, а вдобавок приземист и чрезмерно плотен. И от произносимых им слов, и от его поведения ощутимо веяло повадками человека, с молодых ногтей понаторевшего на службе, однако не слишком склонного следить за своим внешним видом.

– Господин барон, – сказал вдруг граф, уставив взгляд своих пронзительных, глубоко посаженных глаз прямо в очи Игельстрому, – сказать по правде, когда светлейший князь предложил на это место вас, я, хоть и не сомневался в знании людей Григорием Александровичем, всё же затруднился в душе, полагая: «Господи, как-то оно будет? Ведь это человек, никогда не работавший в том краю...». И не буду скрывать от вас, как сильно я обрадовался, когда, знакомясь с документами, увидел, что вы таки участвовали в подавлении бунта, зародившегося в Оренбургском краю. Теперь завтра, когда понесу пред светлые очи солнцеликой и лучезарной государыни нашей сведения о вас, мне не будут нужны какие-либо дополнительные веские основания, окромя рекомендации светлейшего князя... Потому как в ваших же документах нашлись такие основания. Хоть вы и не бывали в самом Оренбургском краю, а всё же служили в примыкающих к нему землях. Не так ли?

«...В какую сторону меняется-то русло разговора?» – опять напрягся барон.

– Бывали. Видали положение дел у туземных народов? Видали... Коли скажу, что с тех самых пор в Оренбургском краю не произошло особых перемен, то не думаю, что преувеличу. Потому как по сию пору мы не можем сделать ни шагу далее Яика, простите... хм-м, далее Урала². Не говоря уж об этом, и на самих-то пограничных линиях, которых мы достигли, нет ни дня покою! Даже если внимательно рассматривать поступающие сюда доклады и сообщения, совершенно невозможно взять что-нибудь в толк – сплошь какие-то весьма запутанные, противоречивые мнения. Жалобы и клязвы друг на дружку. Дел, однако ж, нет. Понимаете вы, ддд-ел-то нет!

«...И что же он хочет мне сказать? Или собирается отправить в Оренбург? Однако... созданная несколько раньше Оренбургская губерния вроде уже распущена...».

– После того как несколько утихомирили строптивые нравы ближайших подданных народов, мы заново создали Уфимское и Симбирское наместничество, сделав центром его Оренбург. Целью нашей было наладить положение дел с обитающим чуть далее киргиз-кайсацким народом, от которого мы пока не видим никакой осязаемой пользы, хотя приняли их в подданство России более полувека тому назад. Однако же правитель края генерал-поручик Аким Иванович Апухтин так и не сумел наладить это дело. Прежде он всё ссылался на свой преклонный возраст да на состояние здоровья и прочие различные причины; однако, может быть, постыдился тянуть словоблудие долее и недавно самолично явился сюда и принёс прошение с просьбой об освобождении его от должности. И теперь мы, дабы несколько наладить дела с киргиз-кайсацким народом, намерены назначить губернатором того самого наместничества вас... да, ваше превосходительство... именно вас.

– Честь имею, ваше сиятельство! Буду всегда считать себя должником за вашу столь отеческую заботу.

– Полноте, господин барон! Полноте... Будет, пожалуй, правильным в первую очередь выразить вашу благодарность его светлости Григорию Александровичу Потёмкину. Считаю своим долгом открыто сказать, что первым предложил вас на эту должность именно он.

– Я никогда не намерен забывать, что меня послал к вам светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин, ваше сиятельство!

– Хорошо, хоро-шо-о, барон. Можете считать, что я оценил это, как ваше стоящее одобрения качество. Ну, коли так... то как вы смотрите на то, чтобы уже с завтрашнего дня начать знакомиться с имеющимися в нашей Коллегии материалами, относящимися к Уфимскому и Симбирскому наместничеству, особенно к Оренбургскому краю. Повторю еще раз, особенно – с имеющими отношение к Оренбургскому краю? Этот край – бескрайняя пограничная территория, не дающая даже своим раздорам и распрям выбраться за пределы её... Учтите: не могу дать на эту работу более трёх месяцев сроку! Да, время торопит!.. В течение этих трёх месяцев вы должны ознакомиться со всеми делами, наличествующими в Коллегии, изложить ваши мысли и мнения по этому поводу на бумаге и сдать в мои руки. Думаю, уже этого будет достаточно, чтобы увидеть, каковыми же явятся ваши первые шаги.

² Урал – дабы вовсе искоренить память о восстании Яицких казаков под предводительством Е. Пугачева, Екатерина II издала Указ называть Яик Уралом.

– Честь имею, ваше сиятельство! Лишь осмелюсь попросить, чтобы вы дали распоряжение нужным людям предоставить мне возможность с завтрашнего же дня начать знакомиться с материалами.

– Об этом не беспокойтесь... А пока – желаю вам удачи, барон!

– Будьте здоровы, ваше сиятельство!

* * *

Генерал-майор Игельстром, хоть сердце его теперь и трепетало, не помещаясь в груди, вышел из Зимнего Дворца с внешне довольно суровым и хладнокровным видом. Сам же готов был птицей лететь к дому сестрицы, проживающей на окраине города в сторону Калинкина моста.

«Бог ты мой, верить мне этому или не верить? – твердил самому себе. – Только вчера пешком пыливший по далёкой польской земле генерал от инфантерии – сегодня уже правитель целого наместничества... генерал-губернатор, а? Нет-нет, спокойно, спокойно, барон Осип Андреевич. Спокойствие!».

* * *

Каким бы обыденным ни казался прежде каждый божий день твоего проходящего безо всяких перемен, однообразного и серого существования, а всё же в миг, когда в руки твои внезапно сядет птица счастья, жизнь твоя вдруг меняется прямо на глазах...

Барон Игельстром принялся за новую работу с необычайно горячим, как в молодости, рвением.

...Каждый день в семь утра уже стоял, подтянутый, перед архивным отделом Коллегии Иностранных дел...

Каждый вечер в лёгкой карете с четверной упряжкой отъезжал к сестрице своей, проживающей на окраине города...

И так каждый день... И так каждый вечер...

Однако несмотря на его рвение и усердие, архивные бумаги, касающиеся Уфимского и Симбирского наместничества, ещё не были перелопачены даже с краешку. Правда Осип Андреевич и не удручался этим.

«Ладно, – говорил он себе. – Не умирают же те, кто занимается и гораздо более трудными, и гораздо более запутанными делами. Вон Яков Иванович, голова которого в любой момент может упасть к его собственным ногам, находится сейчас в Порте. А тот же князь Потёмкин, который снова отправляется в свою далёкую Тавриду, где что ни год яростно свирепствует чума? И даже сама Императрица, говаривают, поднявшись ни свет, ни заря, в пять утра, сразу принимается за дела и до самой глубокой ночи, не поднимая головы, просматривает всяческие бумаги. И мы, Осип Андреич, тоже как-нибудь да одолеем... Да, надо сполна и с наибольшей пользой использовать отпущенное время, надо крепиться и не давать себе ни слабину, ни поблажки...».

Оказывается, ежели ссылаться на нехватку времени, то легче лёгкого даже не только не выполнить своего обещания, но ещё и поплатиться за это.

...По уговору с Александром Андреевичем барон Игельстром уже на следующий день начал усердно рыться в архиве. (И сейчас он вот только-только возвращается из того же архивного отдела...). И пока с головой зарывался в эту маюту, у него просто вылетело напрочь из памяти поручение светлейшего князя.

покровителя Григория Александровича после встречи с графом сообщить, что да как прошло. Чуть не сгорая со стыда, барон только на следующий день с замиранием сердца ехал к генерал-фельдмаршалу. «Помилуй меня, Господи, – молил, суетясь в душе, не зная, как теперь-то отнесется к нему светлейший князь. – Прости, господи, ошибку мою!»

То ли Всевышний действительно внял отчаянным мольбам барона, то ли милостивый князь был всепрощающ, как и забывчив к тем, кому однажды взялся покровительствовать, одним словом, Григорий Александрович принял барона без тени недовольства на лице...

Он вообще в тот день оказался явно приветлив к посетителям. Сияя лбом в добрую пядь высотой, излучая единственным глазом ласковое тепло (потерянный правый косо перетянут повязкой, сплетённой из мягких нитей чёрного шёлка), вызывая восхищение даже одним уже посыпанным серебристой пудрой париком своим, он разговаривал со всеми с мягкой и доброй улыбкой. В эти минуты весь его облик – и эта, отливающая богатым и ярким золотым шитьём, фельдмаршальская форма, и распираемая его широченной грудью голубая Андреевская лента, и донельзя искристые бриллианты орденов на той же могучей груди – всё изливалось на человека, робко представшего перед ним, откровенную доброту и радушие, и было способно, помимо воли посетителя, и очаровать, и покорить любого.

– Проходите, господин барон, проходите!.. – громогласно молвил он из глубины кабинета. – Ну как там у вас? Похоже, граф может сделать так, чтобы люди обращались к вам «Ваше Высокопревосходительство»? Или нет?

– Благодаря вашей милости и доброте, он намерен предложить меня к генерал-губернаторству Уфимского и Симбирского наместничества, Ваша светлость! – ответил барон, изо всех сил стараясь проявлять сдержанность. – В связи с этим я и явился выразить нижайшую благодарность вашему милостивому покровительству.

– Полноте, господин барон... Полноте! – князь, сбившись отчего-то, посидел какое-то время задумчиво, опустивши взгляд, затем медленно поднял голову, всмотрелся испытующе своим единственным глазом в лицо барона, словно тщательно выискивая в нём что-то...

– Огромное вам спасибо, ваша светлость! – продолжил барон, желая воспользоваться этим моментом и немедленно вызволить из этого несколько неловкого молчания и князя, и себя. – И добро, и зло по отношению к человеку, полагаю, не должны оставаться без внимания... Эту вашу заботу о себе я непременно завещаю помнить и потомкам моих потомков.

– Хм-м-м... Да-а-а! Всё-то мы знаем, что и добро, и зло, содеянные кому бы то ни было, не забываются, Осип Андреевич... – сказал князь, переходя вдруг на тон разговора равного с равным. – Да, знаем, – повторил затем ещё раз уже куда жёстче. – Однако всё это, барон, для потомков наших останется пустыми словесами, а уж оценивать они нас будут, пожалуй, лишь по свершённым нами деяниям. Будут смотреть на то лишь, как трудились мы на благо нашей Великой России.

– Ваша светлость... В таком разе... Последующие поколения, пожалуй, не забудут, как вы, несмотря на то, что около десяти тысяч человек вымерло там от эпидемии чумы, не избегаете бывать в Крыму. В вашей Тавриде – подвергая опасности вашу бесценную голову!

– Не знаю... не знаю! – из груди князя вместе со вздохом будто вырвался и горький всхлип. – Не говоря уж о последующих потомках наших, даже сейчас, оказывается, барон, есть такие люди, которые говорят: «...Кому он нужен, этот Крым, провонявший прокисшим овчинным потом и запахом конины? Выколите мне глаза, если я видел во всей России хоть одного человека, который добром помянул ту землю, о которой печётся один лишь глупец Потёмкин. Не видел и не слышал даже среди той самой толпы, которая крутится вокруг моей матушки подобно псам в пору собачьей течки...»

Игельстром молчал. Молчал потому, что даже вдали от столицы, приходилось ему краешком уха слышать нечто подобное о Крыме. Из-за того, что такие возмутительные суждения исходили, вроде, из уст Его высочества, самого Павла Петровича, барон счёл уместным отделаться пока молчанием.

– Да-с!.. Пусть себе говорят! – воскликнул вдруг князь, вновь твердея голосом и откидываясь в кресле. – Токмо не разговоры, а едино дела наши остаются потомкам. А посему нужно лишь вершить дела, барон! Дел-л-ла... Нас ждут великие дела! Ради этого и собираюсь я завтра отправиться в свою Тавриду... в Херсон. А что касается вашего вопроса, то считайте, что он уже решён! Её Величество матушка-государыня не сегодня – так завтра намерена подписать Указ. Ибо вам самому ведомо, что очаг огромного пожара, едва не запольхавшего по всей России, зародился именно там, на отдалённых пограничных линиях, куда вам предстоит теперь отправиться... И, наверное, вам и без моих слов понятно, что столь опасный край нельзя ни дня оставлять без присмотра. Поэтому решится этот вопрос... даже должен решиться очень быстро. Однако есть два таких обстоятельства, о коих я обязан упомянуть перед тем, как отправиться в дорогу... И хотел бы, ваше превосходительство, открыто говорить с вами об этом...

– К вашим услугам, светлейший князь! Готов выслушать с предельным вниманием и желанием.

– Осип Андреевич, вы – человек военный! – начал князь издали. (Ладно бы от кого другого, но не ожидавший от Потёмкина такой витиеватости, барон как-то смутился и, подняв затем взгляд, увидел, что единственный – не выколотый – глаз Григория Александровича, не мигая, следит за выражением лица собеседника)...

– Да, поскольку вы человек военный, то и без моего пояснения, видимо, знаете, на какие кровавые сражения пришлось пойти России, дабы пробиться к Чёрному морю... Наверное, помните, как в давнюю ещё пору фельдмаршала Миниха, когда вы и я только родились (князь чуть улыбнулся, было, но снова придал лицу суровое выражение) – славная русская армия, взяв Азов, Очаков, Хотин и Яссы, дважды вступала в сам полуостров Крым. А о сражениях, в которых буквально вчера принимали участие мы с вами, вам и вовсе доподлинно известно...

– Разумеется, Ваша светлость!

– Каково же будет, коли мы после стольких известных вам самому кровопролитий в пору, когда, наконец, окончательно пресечены непрерывные набеги не единожды разорявших юг российского государства крымских татар и когда открыт беспрепятственный путь на Чёрное море, потеряем такое счастье, дарованное нам самим Богом?

– Простите, ваша светлость, но разве... возможна... подобная опасность? Или...

– Да, сегодня пока ещё нет явной опасности, нависающей над головой! – князь жёстко рубил слова. – Однако... будут ли турецкие янычары, упустившие своё, и завтра сидеть тихо? Уже сейчас они, не ограничиваясь тем, что сами отчаянно вооружаются, ещё и подзуживают не только окрестные народы и кавказских мусульман, но перешли и к тайным сношениям с народами Средней Азии. То есть, стремясь сговориться с дальними народами срединной Азии, вполне вероятно, будут стараться смутить покой в том числе и подвластных нам народов, находящихся меж ними...

Кстати, барон, в пору известной вам Комиссии 1767 года³ я был членом духовно-гражданской комиссии, а также являлся опекуном депутатов от иноверцев. Если не ошибаюсь, по моим тогдашним наблюдениям... обитающие по сию сторону пограничных линий, куда вы и отправляетесь, татары, башкиры, мещеряки и черемисы – народы почти близкие по традициям, нравам, вере и даже языкам с расположенными за Уралом многочисленными киргиз-кайсаками. Коли и турки, ссылаясь на это родство по духу, вере и языку (они в своё время точно так натравливали на нас и крымчан), реализуют свои подлые помыслы, то неудивительно, если многочисленные киргиз-кайсаки, обитающие за Уралом, не говоря уж о продолжении ими былых угонов скота и увода в полон людей с пограничных линий, перейдут к опасным боевым действиям. И кто поручится, что в таком разе снова не поднимут головы наши же – свои и ближе расположенные к нам башкирские старшины?.. Поэтому, барон, вы, будучи там... первое, о чём я вас сейчас прошу, – не прерывайте связей с вашим другом, российским послом в Порте Яковом Ивановичем Булгаковым. Постоянно имейте сведения по этому вопросу. Вам следует воспринять это как дело особо нужное в первую голову для сохранения спокойствия и в доверенном вам Уфимском и Симбирском наместничестве, и по всем пограничным линиям. Тогда и мы, находящиеся в Крыму, не озирались бы одновременно и назад, и вперёд. Не напрягались бы, готовя разом два выстрела... Там, на линии со стороны Чёрного моря – я сам; на огромной территории, протянувшейся от Кавказа до Саратова – наш Павлуша⁴; а в соседнем с ней Уфимском и Симбирском наместничестве – вы самолично, ваше превосходительство... Коли мы, все трое, сумеем твёрдо сидеть в трёх этих местах, тогда, несомненно, южные пограничные линии России станут незыблемыми навсегда!

– Честь имею, Ваша светлость! Оправдать ваше доверие считаю делом своей совести.

– Спасибо на добром слове, Осип Андреевич!.. Благодарствую!.. Однако я уже говорил вам: покуда всё-таки есть у нас люди, которые совершенно иначе относятся к этому вопросу, будет непросто претворить в жизнь задуманное. Вы слышите эти шепотки: «Провонявший кислой овчиной и неприятным запахом конины... Крым!!! Хмм», – фыркнул в нос князь. – А теперь ещё они говорят, оказывается: «И к чему это нужно тужиться, норовя присоединить к России, находящийся за тридевять земель Крым, когда и без того-то никак не можем толком прийти в себя? Это же даже расходов не оправдает». А разве накинешь платок на роток? Ладно, пусть себе брешут. Но сам я, однако, впредь уже не

³ Комиссия 1767 года – комиссия, созданная по поручению Екатерины II для исправления сборника Законов всей России, однако из-за отсутствия результатов, в конечном счёте, распущенная в связи с началом русско-турецкой войны (1768 – 1774 гг.)

⁴ Наш Павлуша – Павел Сергеевич Потёмкин. Близкий родственник Г.А.Потёмкина. За то, что в 1783 году убедил царя Кахетии и Картвелии Ираклия III войти в подданство России, Екатерина II в промежутке 1784-88 годов назначила его Кавказским и Саратовским генерал-губернатором.

стану рассматривать судьбу этого «провонявшего кислой овчиной и неприятным запахом конины Крыма» – моей Тавриды – отдельно от судьбы Великой России. Правда, сейчас там, небось, вздымают пыль столбом... И всё там продаётся за гроши первому встречному. Однако я верю, что эта беспредельная и бесхозная земля уже в ближайшие годы превратится в неприступную твердыню, надёжно защищающую покой Российского государства от наших южных недругов! Тому свидетельство – расцветающий с каждым днём Херсон... тому свидетельство, не говоря уж о гигантском строительстве производства по отливу пушек, корабельные верфи, расположенные в тихих гаванях вдоль побережья Чёрного моря. И, коли мало этого, тому свидетельство – Черноморская флотилия, которая теперь как бельмо в глазу у турков!

...Когда бы подобные вредные пересуды, о которых я упомянул, вели, барон, англичане и алеманы, али французы и австрияки, я бы, пожалуй, сумел их понять. От зависти бы они так говорили. Шипели, завидуя величию России. Но разве к лицу подобные речи... наследнику российского престола и вельможам, которые держат в своих руках политические бразды российского Двора? – Генерал-фельдмаршал, которому с лихвой хватало и влияния, и власти, и даже славы, от грозного вида которого трепетал любой, насупился вдруг и стал мрачнее тучи. И во мгновение ока как будто постарел на много лет. Однако быстро пришёл в себя и снова заговорил ожесточенно.

– Стоит только мне приняться за какое-либо новое дело, они всегда поступают вот так... разом все, скопом поднимаются – против! Возьмём хотя бы изменения, введённые мной в обмундирование и вооружение русской армии. К примеру... Да, второе, о чём я вам хотел сказать, связано с этим, барон.

– Я весь внимание, Ваша светлость!

– Вся жизнь ваша проходит в армии, Осип Андреевич... Скажите правду, самому-то вам нравятся изменения, привнесённые мной в обмундирование и вооружение русской армии? Или нет?

– Как бы это сказать... – Барон засмутился было, не зная что ответить.

– Не стесняйтесь, барон, не стесняйтесь... – сказал князь, смягчая тон. – Мне нужно, не как вы скажете, не ваша дипломатия, а то, как вы на самом деле относитесь. Коли понравилось, скажите, а коли нет – скажите тем более.

– Ваша светлость... – начал барон, не в силах раскрыться сразу и заметно тушуясь. – Это событие само по себе... зародило немало споров ещё в пору вашего генерал-аншефства, когда вы ввели изменения в вооружение и обмундирование подчиненных вам драгун. Чего скрывать: кто-то хвалил, а кому-то новшества отнюдь не пришлись по душе... Если уж говорить о моём собственном мнении, то мне всегда не нравилось, что беднягам-солдатам по военному уставу следовало носить горбейтели, пудрить волосы... И приходилось им, коли не сыщут пудры, посыпать головы свои мукой, коя потом превращалась чуть ли не в тесто, тем самым, в конечном счёте, создавая удобные условия для появления этих... (барон, не решаясь выговорить слово «вшей», заметно смутился, пошевеливая кончиками пальцев) да, этих самых... насекомых. Полагаю, было весьма правильным, что вы пресекли это выращивание волос, ношение горбейтелей, уход и необходимость пудрить их.

– Так-так, ваше превосходительство! – Единственный глаз Потёмкина заблестал, он по-настоящему обрадовался. – Солдат, он – в первую очередь должен быть солдатом, Осип Андреевич! Вскочил с постели и пусть будет предельно собран!

– Разумеется! Как человек военный, я тоже так думаю, Ваша светлость! Уместно и то, что вы заменили тяжёлый тесак, бьющий идущего в атаку солдата по бедру и путающийся у него в ногах, на штык, примкнутый к стволу. Есть ещё множество других преимуществ этих ваших нововведений. Нужно только их скорейшее и всеобщее внедрение в армию.

– Будет введено, генерал! Теперь, безусловно, будет введено! Кто посмеет не выполнить приказ Президента Государственной военной Коллегии?! Всё-всё будет – и каска, и лёгкая куртка, и брюки. Был уже издан Указ четвёртого апреля прошлого 1783 года. Только не успеваем к этому подготовиться. Хорошо, если бы вы, человек, собирающийся возглавить Уфимское и Симбирское наместничество, стать генерал-губернатором, если бы вы сами, не ссылаясь, что некогда подготовиться, уже теперь начали бы вводить эти, признанные вами полезными изменения в подчинённых вам войсках! В таком случае вы бы несказанно меня порадовали.

– Кто посмеет не выполнить приказ Президента Государственной военной Коллегии? – Уже более-менее освоившийся к этому времени барон Игельстром нарочно приподнято выговорил, повторяя слова самого князя. Он даже не думал, что Потёмкин, сам не только умеющий точно передать походку и движения окружающих его людей, но и неотлично подделывать их голоса, так развеселится, услышав своего «двойника». Григорий Александрович внезапно вскочил с места и стал хохотать. И хохотать с широтой души, присущей людям, столь щедро скроенным природой.

Итак барон Игельстром простился со своим покровителем, собравшимся отъезжать в свою Тавриду, достигнув, пожалуй, полного взаимопонимания. И счастливо избежав ответа на вопрос, а что же не понравилось ему в предлагаемых нововведениях?

Да... С тех-то пор уже, оказывается, промелькнуло-таки изрядно времени... А он по-прежнему всё ещё копается в том же архиве, надеясь вот-вот выбраться из него. Уж не слишком ли затянулась, превращаясь в тяготиину, эта его работа, с которой вначале, казалось, можно было спокойно покончить самое большее за месяц, а то и за пару недель... Чем больше вчитываешься в эти пожелтевшие страницы, тем навязчивее зарождается в тебе множество раздумий. А потом одна мысль подгоняется другою, и все вместе уже не дают тебе покоя. И сам-то он, похоже, уже смирился с этим, подобно измождённой донельзя кляче, впряжённой в артиллерийский лафет..

Он прибыл в Санкт-Петербург ещё в конце сентября, а теперь те солнечные дни, когда в воздухе плавно носились светлые паутинки, давно позади. Уже близится к концу и холодная осень со своим беспрерывно морозящим мелким дождичком. Вон, теперь из густых и мрачных туч, поднявшихся со стороны Балтийского моря, глядишь, вот-вот посыплет и снежная крупа.

Безбородко, вызывавший его к себе за эти два с половиной месяца всего лишь дважды, в один из этих вызовов одарил радостью, сообщив, что барон утверждён наместником, и в связи с назначением на эту должность ему одновременно повысили и чин, присвоив звание генерал-поручика. А когда вызвал второй раз, уже разговаривал построже:

– «Вот, это... – сказал он, глядя на барона, не мигая, своими глубоко посаженными кабаньими глазками и взвешивая в руке некий довольно пухлый пакет. – Да, вот, это... Это, ваше высокопревосходительство, бумаги, относящиеся теперь к самому главному делу в вашей генерал-губернаторской деятельности, – бумаги, связанные с безопасностью пограничных линий... Я уже говорил вам в прошлый раз, что положение дел у наших подданных народов по эту сторону линии сейчас

уже несколько отлажено... Теперь самое необходимое на нынешний день – распутать весь сложный узел этих киргиз-кайсацких вопросов. Ибо, судя по сообщениям, там, на пограничных линиях, похоже, опять разгорелись набеги... И мы совершенно не можем понять, что же послужило тому причиной? Поэтому, барон, строго требую рассмотреть всё это по возможности самым дотошным образом. Да... И, пожалуй, напишите по этому поводу отдельную записку... Это – раз!

А во-вторых... Вот и Новый год уже на носу, не так ли, господин барон? Если вы ознакомились с делами... (этими словами граф как бы ещё раз дал почувствовать, что хоть он и не будет беспокоить до окончания им же самим назначенного срока, а всё же очень ждёт окончания подготовительных работ), то теперь следует быстрее подытожить ваши мнения и раздумья и постараться в ближайшие же дни вручить их мне в письменном виде лично. Ибо, не забывайте, пожалуйста, и о том, что перед вашим вступлением на новую должность вам будет назначена милостивая аудиенция Её Величества матушки нашей государыни. А на её организацию, конечно же, тоже будет потребно время... Полагаю, вам ведомо и то, что наша высочородная и лучезарная матушка объявила себя «Киргиз-кайсацкой царицей – Фелицей»⁵...

«Эге... господин генерал-поручик, – мысленно сказал Осип Андреевич сам себе, – коли уж к работе Уфимского и Симбирского наместничества добавятся ещё и дела киргиз-кайсацкие, то, похоже, настала тебе пора, голубчик мой, понять, отчего так быстро становятся смиренными и покорными заезженные лошади артиллерийских упряжей...»

В омытом осенним дождём окошке легкой кареты ему как будто опять привиделся смутно облик, испытующе смотревшего на него Безбородко... «Да, начиная с нынешнего дня, – говорил граф, насквозь пронзая барона из под густых бровей острым взглядом глубоко посаженных глаз, – считайте, что вы уже взяли в свои руки всю полноту власти в Уфимском и Симбирском наместничестве. Поэтому, полагаю, было бы правильным вам прямо сейчас написать письмо начальнику Экспедиции по пограничным делам в Оренбурге Якову Михайловичу Зенбулатову и из первых уст узнать о тамошнем положении дел и обстановке...».

«Кто такой этот Зенбулатов... Что он за человек-то? – думает Осип Андреевич, пытаясь представить себе облик Оренбургского обер-коменданта. – Да, хорошо, коли б это оказался человек, коему случалось в жизни понюхать хоть немного пороху... И действительно, граф-то, выходит, прав. Нужно сегодня же написать туда письмо. Порой, действительно, не зная и ни разу не видевши человека, можно уже по письму почувствовать, каков он есть на самом деле.»

...Вечером того же дня, покончив с ужином, барон Игельстром, дабы узнать о положении дел там, куда ему предстояло скоро отправиться, впервые написал обер-коменданту Оренбурга Зенбулатову с требованием доложить, что и как у них делается сейчас.

Первое письмо послужило толчком и для второго. Барон чуть было не запямятовал снова о недавнем поручении своего покровителя Григория Александровича. А вспомнив об этом, тут же написал и письмо с поклоном своему другу, российскому послу в Порте Якову Ивановичу Булгакову.

Теперь оставалось лишь завершить знакомство с архивными материалами об отношениях с киргиз-кайсацкой степью и переложить на бумагу свои мысли и мнения.

«Уф!» – обречёно вздохнул барон Игельстром.

⁵ После оды Г. Державина «Фелица» Екатерина II подарила ему золотую табакерку с надписью «От киргиз-кайсацкой царицы Фелицы – мурзе Державину».

* * *

Пожалуй, в жизни человека частенько случается, что даже самое заветное его дело, которое, казалось бы, задумывал всю свою жизнь – как бы он ни считал себя в душе всесторонне подготовленным к нему – начинает всё же даваться не просто... А уж у такой вот работы, которую ему поручили столь внезапно, тем паче множество заковык. Сколько времени он кропотливо копался в архиве, сколько часов, изводя своё зрение, перелистывал пожелтевшие страницы... Однако ему всё равно кажется что чего-то да не достаёт. И всё тут. Потому он, хотя прошла уже целая неделя (в эту пору наконец-то вздохнул облегчённее, завершив наконец изыскания в архиве), до сих пор всё оттягивает, никак не решится подвести итоги изученных дел и перенести их на бумагу. Однако же время-то не терпит подобного промедления.

И как же быть тогда? Как поступить?

Едва он, целый день носившийся по улицам, сел за письменный стол, ставший в течение трёх последних месяцев привычным местом для него, военного, как на него вновь набросились скопом всё те же, прежние, разбросанные и запутанные раздумья. Не успел сказать себе: «Господи, ну никак не могу избавиться от этого глупого состояния», – как вдруг... внезапно прямо посветлел ликом... Ба! Да ведь он ни разу даже и не попытался всё это назойливое и беспорядочное множество мыслей ввести в какое-то определённое единое русло! И вытаскивать их одну за другой, выуживая каждую по одиночке. «Вот, где суть-то кроется. Вот, где ошибка-то была!»

Немедленно раздвинув в разные стороны ворох незначительных бумаг на его столе и оставив только тетради для конспектов, барон, расстелив перед собой новую карту созданного два года назад, с добавлением Оренбурга, Уфимского и Симбирского наместничества, принялся в первую очередь вновь и вновь знакомиться с географическим положением, пределами и границами края, куда ему предстояло выехать на службу...

Если не считать тех, кто наблюдателен и приметлив от природы, обычные люди и сами толком не знают всех закоулков и хитросплетений не только региона, где они обитают, но даже и тех конкретных мест, где проживают постоянно... И удивляются «ах, да неужто?», когда слышат от кого-либо: «Там-то и там-то есть то-то и то-то необычное». И тем не менее все до единого простые смертные считают себя знатоками краёв, где добывают и вкушают данный ему Богом хлеб свой насущный.

Вот так же и барон Игельстром считал, что знает-таки края, куда назначают его генерал-губернатором. Уфимское и Симбирское наместничество... А ведь это целая страна! «О каком бы уголке необъятной России ни шла речь, всё одно это внутри Империи», – такая мысль промелькнула у него в счастливый миг обретения новой должности. Промелькнула и на том исчезла. К тому же доля человека военного схожа с долей верховой лошади, поводья которой всегда в чужих руках. Куда тебя повернут жесткие твои поводья – туда ты и направишься... И поворачивали его не впервой. Барону и прежде приходилось по службе бывать во многих незнакомых ему далях и весях и наводить военный порядок в совсем незнакомых ему землях. И получая очередное задание, он никогда и не думал пенять: «Я же не знаю этих земель, мне же не приходилось бывать там прежде!» «Послали, стало быть, явилась срочная необходимость туда ехать», – так полагал он. И на этот раз, по издавна сложившейся привычке склонен был принять и эту свою поездку как один из очередных своих служебных походов. Но совсем не учёл одного курьёзного обстоятельства... Прежде – там, куда бы ему ни выпало

отправиться, – приказы всегда отдавал – ему – кто-либо другой, сам отвечающий головой за всё дело. Более властный, чем он. А Осип Андреевич же, оставаясь в тени своего командования, довольствовался скромной ролью исполнителя. Поэтому в его обязанности и не входило никогда определение исходной стратегии всего дела и составление планов общих действий. Теперь же всё переменялось. Пусть и с запозданием, но он осознал вдруг, что всё-всё взвалено теперь именно на его, барона Игельстрома, плечи! Да ещё параллельно с копанием в архивах Уфимского и Симбирского наместничества надо было начинать дотошно изучать условия местности того края, с его пределами и границами! И он бы сейчас уже систематизировал свои представления, а не начинал с чистого листа. Теперь приходится наверстывать упущенное.

– Итак... Вот – Симбирское наместничество... («Симбирск, Симбирск...» – барон бросил взгляд на свою тетрадь конспектов). Господи, да оно-то, оказывается, было самостоятельным ещё за два года до вновь созданного Уфимского наместничества с добавлением к нему Оренбурга! ... Тогда зачем его же теперь пристегнули ко вновь созданному наместничеству?..

«...Да-а, вы не особенно тревожьтесь положением дел в Симбирске, – вновь прозвучал в ушах барона голос графа Безбородко... – Вам, надеюсь, известно о том, что в Положение об управлении губерниями, вышедшее в 1775 году, введены некоторые изменения? Поскольку деятельность наместника и генерал-губернатора во многих случаях схожи, то впредь всем наместникам, кроме Московского, решено поручить одновременно дела двух, а то и трёх губерний. Симбирск вам много хлопот не доставит...»

Хм... М-м... Ну, хорошо! Что ж, смирится. Но даже в таком случае, гляжу я, одно лишь Уфимское наместничество, состоящее из восьми уездов – Уфимского, Бирского, Мензелинского, Бугульминского, Бугурусланского, Балабийского, Стерлитамакского и Челябинского – занимает огромнейшую территорию. А теперь ещё к нему добавилась и Оренбургская область, состоящая из четырёх уездов – Верхнеуральского, Бузулукского, Сергиевского и Оренбургского – площадь возросла ещё более. Стала огромной! Восток её, вон, упирается в далёкий Тобол, а запад – в Европе: Астраханская, Саратовская и Казанская губернии... Север же граничит с далёкой Пермской губернией, а юг, юг-то как раз – беспредельная киргиз-кайсацкая степь...

«СТЕПЬ КОЧУЮЩИХ КИРГИЗЪ-КАЙСАКОВЪ», – глядя на огромные буквы, написанные извилисто то вверх, то вниз, будто на поверхности волнующегося моря, Осип Андреевич подумал: «Наверное, в этом месте и рука человека, который чертил эту карту, тоже волновалась таким же образом...» Да, барон Игельстром, во что бы то ни стало ты теперь должен найти общий язык с этой Степью. Во что бы то ни стало...». Таково задание!

«Теперь цель наша... наладить отношения с кочевым киргиз-кайсацким народом, от коего мы пока не видели никакой осязаемой пользы, хотя он в нашем подданстве уже более полувека...» – опять бубнил над бароном прерывистый голос графа Безбородко. Да, нужно наладить. Нужно наладить!

Наладить дела с кочевой киргиз-кайсацкой степью (если правду говорил побывавший около пятидесяти лет назад послом в этой бескрайней степи Алексей Тевкелев), очень сильно мечтал и сам блаженной памяти Пётр I. Усердно копаясь в архивных копиях, барон обнаружил там «Разные бумаги генерал-майора Алексея

Тевкелева об Оренбургском крае и Киргиз-Кайсацких ордах». И было там написано: «Пётр Великий в 1722-м году, будучи в Персицком походе и в Астрахани, чрез многих изволил уведомиться об оной орде, хотя-де оная Киргиз-Кайсацкая степной и легкомысленный народ, токмо-де всем азиатским странам и землям оная-де орда ключ и врата; и той ради причины оная-де орда потребна под Российской протекцый быть, чтоб только чрез их во всех Азиатских странах команикацею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять».

– Да, прозорлив был, прозорлив! – подумал барон. – И куда бы ни упал взгляд Его Величества Государя Императора, покойный в первую очередь пёкся только о пользе Великой России. Иначе кто – а ведь сам ещё был в «персицком походе» – кто в те далёкие времена думал о том, чтобы, пока в ту степь, остающуюся обочь от столбового пути, не ступила нога представителей иных государств, скорее перевести её под Российскую протекцию. И цель его – предельно ясна, и определение – предельно точное! «...Хотя-де оная Киргиз-Кайсацкая степной и легкомысленный народ, токмо-де всем азиатским странам и землям оная-де орда ключ и врата...» Легкомысленные ли на самом деле?

И все действия после случились как бы по мановению волшебной палочки. Далее всё-всё развивалось, оттолкнувшись от фразы, изложенной на клочке бумаги: «Так сказал Государь Император...».

«Коли вольнолюбивая сия орда не пожелает войти в подданство, тогда, пусть даже истратив около миллиона средств, сначала следует постараться, чтобы они сами сказали «желаем быть под протекцией Российской империи» и собственноручно это заявление заверили», – заявил он. И вскоре Бог дал на земле то, что просили у небес, и хан по имени Абилкаир с подвластным ему народом сам вошёл под наше крыло. (Однако Государь Пётр покинул сей мир, не успев своими глазами увидеть этот счастливый момент). Так в последующем явилась внезапная возможность легко и просто осуществить мечту Государя Императора, стремившегося открыть торговые пути на Хиву, Бухару, Бадахшан и Балх, и даже в далёкую Индию. И зародила такую возможность эта самая... неведомая норовом своим, непредсказуемая повадками Орда народа, именуемого киргиз-кайсаками. «Степь кочующих киргизь кайсаковь...» К тому же на этот раз – гораздо ближе и безопасней пути экспедиции Александра-Бековича Черкасского, некогда отправившегося с многочисленным войском из Астрахани и разгромленного там в пух и прах. Если только подступиться к Аральскому озеру (называемому киргиз-кайсаками «морем»), далее можно уже и до Бухары и Бадахшана, и даже до самой Индии добраться.

Да, удача – штука своенравная... Если захочет улыбнуться тебе, то желаемое само идёт в руки. Пока у нас думали «дабы претворить в жизнь то, что хотим, для начала во что бы то ни стало укрепим линии наших земель пограничных с землями самих этих киргиз-кайсаков», тот же их хан Абилкаир написал прошение: «Постройте нам крепость, дабы мы могли держать наш народ в жёсткой узде и тем самым оказывать верную службу белому царю».

Так началось строительство крепости недалеко от устья, где Орь впадает в Яик. Ещё раньше построить такую крепость, «дабы защищаться от набегов кочевников», просил у Сената в 1725 году яицкий казачий атаман Арапов. Сенат уже тогда дал своё согласие, однако долгое время тянул словесную волюнку, опасаясь, как бы каменная крепость в дальнем далеке не превратилась потом в убежище сбежавшей из центра страны черни и разбойных мужичков... И вот

теперь, когда и киргиз-кайсацкий хан выражает подобную же просьбу, уяснив, что долгие отказываться и терять столь удобную возможность станет непомерно большой ошибкой, правительство поневоле принялось за возведение крепости в устье Ори при впадении её в Яик. Однако известно же, что «от человека без души рождаются слепые дети» «скоро робят – слепых родят», и судьба всё равно не предназначила этому городу стать Оренбургом. Через несколько лет строительные работы перенесли несколько выше – в урочище Красной горы над рекой. Однако поскольку урочище с красной голой почвой оказалось и вовсе неудобным для будущего города, строительство было перенесено и оттуда. И, в конечном счёте, пришлось-таки воротиться на давнее место, указанное атаманом Араповым. Это и есть город, именуемый в нынешние дни Оренбургом. На самом же деле, коли этим именем следует звать город, возведённый на берегу Ори, то настоящим Оренбургом должен быть Орск. Однако городок над устьем реки Орь, где она впадает в Яик, – стал называться просто Орск (даже киргиз-кайсаки, оказываясь, относятся к нему с пренебрежением, называют его, морщась, «Жаманкала» – «Жалкий городок»). Крепость над голым обрывом оставили под названием «Красногорская». А город, возведённый близ того места, где Сакмара впадает в Яик («И где тогда Орь, а где город?»), стал таки Оренбургом. Да, это и есть Оренбург, считавшийся центральным городом существовавшей буквально до вчерашних дней Оренбургской губернии, а теперь уже один из главных городов вновь организованного Уфимского наместничества. («Ла-адущки», – молвил сам себе Осип Андреевич).

В те времена Самарская сторона укреплений, возведённых вдоль Яика, была совершенно беззащитной. Дабы обезопасить побережья Волги, после были построены от начала той самой Яицкой линии крепости Красная Самарская, Борская, Елжанская, Бузулукская, Тосская, Сорочинская, Ново-Сергиевская, Переволоцкая. Линия меж ними укреплена редутами. И так Самарская пограничная линия в те годы была установлена окончательно, а Оренбург превратился в опорный пункт, соединяющий эти две линии. И тогда Орск и Красногорская превратились в форпосты, пригодные для укрепления окрестностей Оренбурга.

«Хм...м...м...да!» – протяжно промышчал барон.

Разумеется, взглядываясь в тянущиеся, подобно тонкой кишке, от Верхнеуральска извилистые очертания пограничных линий, он как человек военный отнюдь не мог не заметить, что у них всё ещё много слабых и остающихся открытыми мест. Было бы несомненно правильным ужать эту извилистость, которая почём зря делит, разбрызгивая во все стороны, и без того как попало разбросанные по пограничным линиям в сорока восьми крепостях, пятидесяти редутах и сорока восьми форпостах силы военного контингента (Дабы внести свои предложения и мнения в документ, который изложит он завтра графу Безбородко, барон в таких местах ставил прерывистые знаки красным карандашом). Не увидел он и некоей цельности, устоявшейся на пограничных линиях. К примеру, линии укрепления, подчинённые генерал-губернатору Уфимского наместничества, протянулись на расстояние до двух тысяч вёрст и упираются в крепость в Караузене. А около семисот двадцати вёрст линии за этой крепостью, считающиеся землями, прилегающими к киргиз-кайсацким – со всем Уральским казачьим войском, – отнесены к Астрахани. Кто бы ни являлся главою Уфимского наместничества, а поскольку налаживание киргиз-кайсацкого дела в основном поручено будет ему, то разве не правильнее все линии на землях, приграничных с этим народом, полностью за-

крепить за одним командующим? А если учесть, что только на этих 720 верстах линии стоит изрядная часть регулярного войска, можно ли назвать справедливым, что Уральское казачье войско полностью отдано Астраханской губернии?

Барон и на этом месте тоже поставил знак красным карандашом.

Да-а... Кстати, о регулярных войсках. Подданные народы, обитающие по эту сторону границы – многочисленные башкиры, мещеряки, калмыки, – хотя и недружественные пока к киргиз-кайсакам и сплошь народ воинственный, однако же эффективно использовать не только их, но и Уральское казачье войско, – дело особо многотрудное. И доказательств тому долго искать не надо. Та же совсем недавняя смута Емельки Пугачёва успела показать, что полагаться на казаков нельзя. Поэтому было бы хорошо скорее сформировать сызнова создаваемый с милостивого дозволения Её Величества матушки нашей государыни для отправления в Оренбургский край драгунский полк и шесть батальонов, состоящих из мушкетёров.

Самое главное, поскольку наипервейшая задача, возлагаемая на наместника Уфимского и Симбирского наместничества – установление мира на границе, налаживание отношений с этим непредсказуемым народом киргиз-кайсаков, норов коих доселе нам неведом. Зародится ли смута по ту сторону границы или по эту, следствие и проверку подобных недобрых случаев, принятие неотложных мер нужно бы не отправлять, как прежде, на рассмотрение губернского суда, а отдавать на усмотрение наместника – человека, на коего возложено высочайшее доверие. А иначе, что же это такое? Три месяца он беспрерывно копался в архивной пыли, и ведь не было продыху от кляуз и жалоб из региона, написанных друг на дружку и застрявших тут. Киргиз-кайсаки заявляют: «Атаманы пришли с большим отрядом и разорили наши аулы». Казачьи атаманы рапортуют: «Разбойные киргиз-кайсаки совершили набег на крепость, повязали многих наших людей, угнали скот и увезли добро». По выводам барона, атаманы, опирающиеся на регулярные войска, разумеется, отнюдь не потерпят насилие и обид. Это, похоже, почувствовала и сама Императрица: в письме от 3 июля прошлого, 1783 года, генерал-поручику Акиму Ивановичу Апухтину она отмечает: «...не могу, однако ж, оставить без примечания, что как таковые нападения их не могут быть без какого-либо повода, и особливо, не подаёт ли к тому причины поведение каких-либо на границах начальников?». В конце же письма имеется собственноручно сделанная ею весьма проницательная приписка: «Нет ли от наших мздоимства по границе, надеюсь не оставите это без изыскания и пресечения. Екатерина». Дабы резко сократить число подобных слезливых жалоб с обеих сторон, просто необходимо дать наместнику ещё большую власть... (Надо будет сказать и об этом, решил барон и пометил что-то на отдельном листочке).

Исследовавший события на пограничных линиях и связанные с ними объяснительные, доклады, письма и рапорты, жалобы и заявления – всё-всё, не упуская ничего, дотошно и тщательно – барон обратил особое внимание на то, какой политики придерживались в таких случаях его предшественники. Если не считать побывавших в этом краю первыми Кириллове и Татищеве (у них, поехавших по специальному поручению, миссия была особая), все сплошь генерал-губернаторы, правившие Оренбургом, только и шли, да, только и шли путём, проложенным некогда единственно Иваном Ивановичем Неплюевым. Он поехал туда ещё в 1742 году, до создания Оренбургской губернии. А когда губерния была создана, генерала Неплюева назначили её первым генерал-губернатором. И шестнадцать лет, до 1758 года, он единолично и безраздельно правил и вершил всё в крае. Не посягали на

установленный им порядок совместно возглавлявшие край после него ни П.И. Рычков и А.И.Тевкелев; ни занимавший это место в 1759-63 годы Давыдов; ни попавший в опалу после Дворцового переворота и отправленный до 1766 года в Оренбург Д.В. Волков; ни заменивший его князь Путятин; ни даже самолично испытывавший между 1769-1781 годами многие смуты И. А. Рейнсдорп; ни являвшийся первым наместником, – когда создали Уфимское и Симбирское наместничество, – И. Якоби. Короче, до него, барона, которому предстояло занять место генерал-поручика Акима Ивановича Апухтина, политика не менялась ни на йоту. Да никто и не стремился внести в неё какие-либо новшества. Всё-всё повторяли одно и то же, одно и то же... «Нет иных мер, кроме как держать этих, не ведающих никаких законов и порядков, туземцев-башибузуков в постоянном страхе, наказывая то и дело силой оружия!» – твердили все они в донесениях. И как быстро позабылось, что они – киргиз-кайсаки – в официальном порядке, через своего хана, добровольно приняли наше подданство! А как насчёт того, чтобы исследовать внутреннее и внешнее положение Степи, привлечь к метрополии почётом и наградами, дарами и посулами для тех, кто лоялен к новому центру? И разве нельзя обращаться к оружию, лишь используя все остальные методы и способы? Ведь в противном случае, это – не привлечение подданных народов к интересам Империи, а даже отпугивание их. Осторожность, барон, и ещё раз осторожность!

«Интересно, и как же к этому относилось Правительство?»

– Сенат... Се-нат! (Барон вчитался в тетрадь с решениями полномочного Сената).

...После создания Оренбургской губернии, уже в 1744 году, покойный генерал Иван Иванович Неплюев, оказывается, разработал план, как в будущем держать в руках киргиз-кайсаков. В этом документе, названном «Запасной план И.И.Неплюева», поставлен вопрос взятия киргиз-кайсаков в кольцо вооружённых сил (Окончательно окружить эту степь, начиная с Яицкого казачьего городка и поднимаясь вдоль Оренбургской, Орской, Верхнеуральской линий, через Уйскую и Сибирскую линии укреплений). «Проект», оказывается, утверждён в Сенате. (Хмм, да-а, выходит, поддержан Правительством!). Однако документ снабжён примечанием: реализовать этот «Проект»: «...только в случае, если со стороны киргиз-кайсаков (казахов) случатся вооружённые выступления против России».

«Да-а-с! Что же скажут по этому поводу Её Величество Императрица и Коллегия Иностранных дел?»

В большинстве своих инструкций Оренбургскому генерал-губернатору (6 ноября 1749 г.; 18 июля 1760 г.; 25 июня 1776 г.; 4 октября 1779 г. и др.) Коллегия Иностранных дел выражала следующее мнение: «...эти ваши действия будут уроком для киргиз-кайсаков – хорошо для того, чтобы впредь они вели себя сдержанно...». Ясно-понятно... и не особенно долго задерживаясь на известных обстоятельствах, барон снова воротился к письму⁶ Императрицы.

«Замечу между строк, – пишет Её Величество, – коли хан и султаны, сразу же после получения от Вас извещения не возместят потерь и расходов невинно потерпевших, тогда вполне можно сделать репрессалию киргиз-кайсакам...»

Барон глубоко вздохнул. Помнится, и граф Безбородко в прошлый раз повторил: «...по сей день мы не можем ни на шаг продвинуться с Урала...». Или и мне тоже сделать предложение – размышлял барон, – исполнить хотя бы одну из мер репрессалиев? А? Как оно лучше?

⁶ Письмо, написанное 3 июля 1783 года А.И. Апухтину.

(В этом месте он опять как-то нехотя поставил пометку красным карандашом).

Мысли его вроде обрели систему. «Небось, перед отъездом начальство само даст мне немало инструкций», – решил барон и, обдумывая слово за словом, стал переносить на бумагу свои выводы.

«При внимательном рассмотрении положения дел с киргиз-кайсацкой Ордой на границе, особо бросаются в глаза две задачи, – начал барон. – Первая: Во что бы то ни стало надобно установить меж нами и вышеупомянутым народом тишину спокойствие и послушание. Вторая: Необходимость сокращения линии, которая по своей обширности и по сей день раздробила, почём зря, наши военные силы и мощь, нанося урон наведению порядка и послушания у кочующих по обе стороны границы подвластных нам народов, к тому же они везде остаются открытыми и слабыми, и не в состоянии даже при необходимости подать друг другу руку помощи.

Для того, чтобы привести к порядку и довести до мирной и спокойной жизни эти, будто безудержно гонимые ветром, как перекасти-поле, не имеющие постоянного места обитания, кочевые народы, нет иного выхода, кроме как укрепить их веру и приязнь в первую очередь к тому человеку, которому поручены и доверены их судьбы и планида (барон, убедившийся, что все до единого начальники, бывшие до него самого, так и не смогли предотвратить набеги и разоры, давал понять, что несколько иначе относится к этому вопросу; однако, всё же не решаясь напрочь отринуть устоявшуюся испокон веку традицию, подытоживал своё мнение несколько двусмысленно); однако же, коли они сойдут с пути согласия, обеспечивающего покой и их, и их соседей, следует таких смутьянов держать в напряжении, не давая им забыть, что есть железные удила, которые способны научить их уму разуму.

Претворение этого в жизнь зависит: во-первых, от предоставления полномочий для безотлагательной проверки различных случающихся на местах распрей и раздоров, обид и жалоб и принятия там же неотложных мер... Во-вторых, полагаю, необходимо довести число и умение военных сил до уровня, достаточного, дабы держать эти народы в жёстких рамках, приспособивая эти силы к нравам и поведению сиих народов и к особенностям земель, где они обитают, а также прошу определиться в том, насколько будет дозволено скорейшее пресечение непокорных и строптивых.

(Не уподобился ли я неким властолюбивым чинушам? – подумал, чуть помедлив, барон и счёл правильным дать дополнительные пояснения, дабы более раскрыть свою мысль).

Кроме того, – продолжал скрипеть пером барон, – хотел бы довести до вашего милостивого внимания следующее: если будут даны полномочия... то первое: следовало бы позволить пограничному начальнику рассматривать, проверять и выносить решения на месте внезапно возникших скандалов и споров, воровства, разбоев и смуты – исходят ли подобные непотребные дела от кочующих по ту сторону пограничных линий киргиз-кайсаков, или от тех, кто проживает по эту сторону – в Уфимской губернии, Оренбургской области или в Астраханской губернии, несмотря на то, от кого исходят; а также, не доставляя подобных смутьянов далече в губернский суд, сделать бы вправе, уяснив суть дела, там же – на местах принимать меры; при том, начальник границы в этом отношении должен быть подотчётен лишь своему непосредственному начальнику, а иже с этим, собственной совести! Второе: В случае срочной необходимости в соответствии с положением дел, следовало бы позволить проводить обыски в непокорных аулах и улусах и проверять их кочевья.

Что же касается укрепления наших военных сил, докладываю следующее: Поскольку, отданные под присмотр Уфимского генерал-губернатора, – или же человека, должного исполнять сию службу, пограничные линии по сей день продолжают от Чернореченской крепости до Гурьева городка, вниз по реке Уралу, а, каких-то 720 вёрст, по течению этой реки в Каспийское море, входят в территорию соседней Астраханской губернии, считаю весьма уместным теперь отдать эту территорию и населяющие её воинственные народы под начало Уфимского генерал-губернатора. Таким образом, объединив сей воинственный люд, обитающий вдоль пограничных линий и Уральских казаков, мы взяли бы их под единое общее начало и не дали бы тем самым киргиз-кайсакам даже шелохнуться; к тому же от подобной перемены и у людей, временами подключенных к военным действиям, не пострадало бы и не ухудшилось бы их хозяйство.

Обстоятельство, которое следовало бы только учесть: судя по опыту прошлых лет, абсолютно невозможно использовать ни эти самые воинственные народы, о коих упоминалось, ни казачье войско без регулярных войск. Что же касается положения самих регулярных войск, то, думаю, создаваемых сызнова благодаря высокой милости Её Величества матушки нашей государыни драгунского полка и шести батальонов, состоящих из мушкетёров, будет вполне достаточно, ежели только оставить прежнее число гарнизонных батальонов, расположенных в сорока восьми крепостях, пятидесяти редутах и сорока восьми форпостах».

«Да-а!» (Барон, отставив перо, задумался). Одолели его горькие думы о досадных ошибках прошлых лет... Как говорят архивные данные, некогда на этой линии было немало надёжных укреплений и грозных, сложенных из камня, крепостей. В них плотно стояли полки ланд-милиции, составленные из кавалерийских и пехотных войск. Кроме того, если не прибавлять к этому войску в гарнизонах и вооружённые отряды, набираемые из подданных народов, то и тогда всегда были готовы оказать действенную помощь в стабилизации обстановки ещё и два или даже три армейских полка. И столь сильная линия с годами вдруг сплошь развалилась, сойдя на нет... Ибо... со ссылкой на то, что «всемирно избранный киргиз-кайсаками Хан умер! Теперь сидит на троне наш ставленник... – назначенец русской администрации!», а также подумав, что «междуречье» Волги и Урала достаточно заселено русскими людьми», что «теперь нет необходимости зря содержать на этой линии многочисленное войско», в 1767 году были распущены отряды ланд-милиции, отозваны назад армейские полки, а для выступлений в походы оставлены лишь отдельные команды и гарнизоны. А, когда и эти регулярные войска, стоявшие на границе, в годы первой русско-турецкой войны – в 1770 году – были отозваны с линии и отправлены на фронт, пограничная линейная служба осталась лишь на совести комендантов гарнизонов и отрядов, набранных из подвластных народов. И что только ни творили в ту пору высокомерные коменданты на оголившись линиях после полного ухода регулярных войск! Потом к этому добавилось насилие яицких казачьих атаманов – и чем кончилось всё это в 1773 году⁷ известно, разумеется, всем.

Почти все крепости были полностью разрушены, сожжены и снесены. Хотя некоторые из них теперь восстановлены, а некоторые построены заново, однако большинство из них и по сию пору остаётся в руинах... (Стоило вспомнить об этом, как гусиное перо в руке барона так и заскользило по бумаге)... – Да-а! Только

⁷ 1773 год – начало восстания Емельяна Пугачева.

число гарнизонных батальонов, стоящих в сорока восьми крепостях, пятидесяти редутах и сорока восьми форпостах, следует оставить в том же составе, – начертал он стремительно. – Потому что в будущем в связи с различными обстоятельствами, возможно, придётся переводить вышеупомянутые драгунский полк и шесть батальонов мушкетёров с одного места на другое, не говоря уж о том, что линия, где они дислоцированы, вообще не должна оставаться открытой даже временно, нельзя дать ей ослабеть ни на миг... (Полагая, что, вроде, зашёл слишком далеко – могут ошибочно понять, будто пограничные линии, существующие издавна, рискуют сойти на нет, коли туда не поедет он, Игельстром, барон задумался, как бы ему смягчить впечатление. И в это время взгляд его упал на поставленный им на карте красным карандашом знак... Пара красных линий, подобно двум стрелам, свистяще устремившимся одна – от Оренбурга, другая – от Уральского казачьего города⁸ к верховьям реки Эмба, не просто напомнила, а как бы подчеркнула недавнее утверждение графа Безбородко: «...по сию пору мы не можем продвинуться ни на шаг далее Урала...»). И тут же барон решил добавить некое предложение, которое наверняка придётся по душе и Сенату, и Коллегии Иностранных дел).

Что же касается вопроса об ужатии протянувшейся извилисто и долго пограничной линии, или же о переводе её с одного места на другое, для этого следовало бы уяснить сначала, по какой причине необходимо менять линию, а также предварительно исследовать географическое положение местности. Поэтому решаюсь перед Вами на предложение: предпринять неожиданное нападение на Верховья Эмбы и побережье Ори силами пяти или же всего четырех detachementов⁹.

Польза, извлекаемая нами от этого: во-первых, если решение о передвижении вперёд пограничных линий должно приниматься на определённом основании, в законном порядке, который бы не вызвал потом скандалов и споров, мы, неожиданно укрепившись у берегов Ори и Эмбы, позже, когда киргиз-кайсаки воротятся на эти земли, будем там оставаться, как ни в чём ни бывало. Так, будто издавна обитаем там.

Во-вторых, если бы пограничная линия была перенесена на реку Эмба, мы бы знали постоянно, и что задумывают киргиз-кайсаки, и каковы их нужды и чаяния. То есть, прояснился бы следующий вопрос – будут ли они, когда передвинется граница, по-прежнему обитать в равнинной степи между Эмбой и Уралом, или же поднимутся скопом и откочуют в сторону среднеазиатских ханств?

В-третьих, в пору этого похода мы бы наказали киргизов, за то, что в прежние годы они беспокоили нас. Отплатили бы им, да так, что они нескоро бы опомнились; и тогда эти киргиз-кайсаки, не только уgomонились бы от своего многолетнего смутьянства, но ещё и ощутили бы наказание Божье и вразумление Его за давние грехи.

Для претворения всего сказанного, думаю, следует рассмотреть меры скорейшего формирования сызнова создаваемой группы регулярных войск. Необходимо в различных местах предварительно заготавливать провизию и фураж; было бы хорошо тщательно подготовить для похода лёгкие пушки малых калибров; уже сейчас утвердить на новых должностях офицеров для проведения на местах инженерных работ, отобрав некоторых из них из генерального штаба. Поскольку приобретение провизии и фуража по пути, а также необходимость постоянно тащить артиллерию, говоря короче, поскольку военный поход всегда требует

⁸ Город уральских казаков – нынешний Уральск.

⁹ Detachment – отдельные самостоятельные отряды.

наличия средств, было бы правильным определить для этого специальное финансирование. Разумеется, дело известное, что расходы «восстановятся» за счёт бережливого использования провизии и тщательного ухода за артиллерией...»

Казалось, много о чём ещё хотелось поведать. Однако барон, привыкший всю свою жизнь писать военные рапорты короткими и скупыми словами, уже устал от писанины. Подумав так и подумав эдак, и, не найдя более ничего существенного, кроме того, что уже изложил, молвил сам себе: «Ну, хватит! – И бросил перо на стол. – Вроде как, уже охватил все основные вопросы... А коли этого окажется недостаточно, то всё равно вышестоящее начальство, небось, не пропустит бумагу, не добавив сюда и своего мнения. Пусть же и им хоть что-то да останется!»

Он ощутил необыкновенную лёгкость во всём теле, с наслаждением потёр ладони и бодро поднялся с места.

* * *

Если бесконечно долго оставаться безвылазно в четырёх стенах, теряешь связь с внешним миром... Три месяца не отрывавшийся от изучения архивных бумаг Игельстром, избыв, наконец, добровольное заточение, не смог теперь усидеть без дела в доме сестрицы и в первый же «вольный» день выехал в город. Его ожидало необычайно много новостей.

Первое. Честно говоря, он уже подумывал: что же это граф Безбородко не тормошит его, хотя до Нового года оставалось уже всего два-три дня? А оказалось, тому в последнее время было вовсе не до барона (Облачившаяся в траур со дня внезапной кончины Александра Ланского¹⁰ императрица не только позабыла о государственных делах, но и вовсе покинув Дворец и уехав на укомную, в тиши вековых дерев дачу в Пелладе, залегла там в одиночестве, не принимая абсолютно никого. И поскольку вследствие сего державного несчастья все тяготы, связанные с внешней политикой, навалились на одного лишь Безбородко, то где же ему было найти время заниматься ещё и прочими делами!). У него не было никакой возможности в эти дни вызывать к себе барона Игельстрома.

Барон, правда, об этом государственном несчастье, о котором вполголоса судачила вся столица, узнал только вырвавшись с персональной своей бумажной гауптвахты.

Второе: по причине этого траурного состояния государыни Екатерины и в связи с тем, что застоялись-залежались важнейшие государственные дела, граф Безбородко послал весточку находившемуся в далеком Херсоне князю Потёмкину. И хоть Григорий Александрович, которого сильно занимал вопрос урегулирования дел на Кавказе, немножко подзадержался, но всё же успел пару недель назад добраться до северной столицы. (Барон искренне обрадовался этому известию). Государственное дело, с которым справился Безбородко до приезда князя, – сумел выманить, перевезти Солнцеликую Государыню из глухой Пеллады в Царское село.

До барона дошли и досужие слухи о том, что царица Екатерина, едва не сойдя с ума, всё же пришла в себя... И ещё – о грохоте пушек, которые всполошили недавно среди ночи спящий город. Оказалось, царица, находящаяся в Царском селе, полночь, на некоей простой карете, одна-одиошенька, приехала во Дворец и спросила у тех, кто стоял на страже Дворца, почему безмолвствуют пушки крепости, когда прибыла она? Растерявшаяся стража, не медля, возвестила своё начальство... Начальство срочно отдало приказ пушкарям... И загрохотали

¹⁰ Александр Ланской – фаворит Екатерины, слишком быстро скончался от неведомой хвори.

залпы салюта... Через некоторое время окончательно оправившаяся государыня спросила, почему это среди ночи палят пушки? – «По Вашему же повелению...», – ответили ей. Не поверила. – «Вы что же, думаете, я с ума свихнулась? С какой бы стати среди ночи я велела вам салютовать самой себе?» – ушла в свои покои. Легла почивать и уснула крепким сном. А наутро как ни в чём не бывало поднялась бодрой и свежей. Прежней. И принялась за привычные дела.

– Идёт горячая подготовка к приёму в ближайшие дни послов, – говорили знающие люди.

– А вы знаете, что появился новый фаворит, потому-то мы и успокоились? – спрашивали-сообщали другие.

– Новый фаворит?! Кто же это?

– Александр Ермолов!

– Который Ермолов?

– А пёс его знает! Волосы такие белесые, что твой ковыль: светлицы красавец какой-то со вздутыми ноздрями. Говаривают, родом из поволжских дворян.

– Бедняга Ланской!.. Стало быть, забыт навсегда вместе с любимой собачкой царицы в Царском селе Земирой¹¹.

– Кстати, вы не слышали похвалы одного придурка, вознамерившегося после кончины Ланского быстренько занять «свободное место»?..

– А это ещё кто?

– Князь Дмитрий Кантемир... Говаривают, потомок одного из молдавских господарей...

– И что он??

– На следующий же день после кончины Ланского предстал перед Её Величеством и пал ей в ноги... «Возьмите, ради Бога, меня на освободившееся место! Я вас не разочарую!» – стал будто бы умолять. Матушка государыня вызвала охрану и велела: «Заклучите этого бесстыжего в крепость и не давайте ни капли воды! Может быть, образумится в холодной-то камере!» – добавила государыня.

– Да?..

– Сейчас этот князь вроде как сидит в крепостной тюрьме...

– Вот те и на!

– Да! Всё в руках Божьих, знать.

Совладав с собою после обрушившихся пересудов, барон заглянул в Коллегию Иностранных дел и расспросил о сути событий на Кавказе. Оказалось, грузинский царь Ираклий III, с которым, посетив его около двух лет назад, проводил тайные переговоры Павел Сергеевич Потёмкин, с распостёртыми объятиями встретил русские войска, и они во главе с Самойловым беспрепятственно вошли в Тифлис. И сейчас, весьма недовольные действиями русских войск, переваливших за Кавказ, к тому же считающие Грузию своим собственным владением, турки и персы, похоже, выходят из себя. На берегу Алазани с ними лицом к лицу сошлись русские войска и произошло кровавое сражение. Судя по поступившим известиям, Ираклий III восхищается мощью Российской империи...

– На пограничных линиях, куда вы отправитесь, тоже немало раздоров, – сказали в Коллегии Иностранных дел. – Заметно осложнились отношения между киргиз-кайсаками и уральскими казаками. Рассмотрев рапорты, поступившие

¹¹ Земира – самая любимая собака Екатерины: из рода английских левреток: и А. Ланской и эта собака похоронены в Царском селе.

от атаманов в Коллегию военных дел, князь Потёмкин на днях послал им распоряжение провести репрессалию против киргиз-кайсаков. Если хотите узнать подробности, сходите в ту Коллегию, переговорите там сами...

Осип Андреевич, и сам случайно прознав, что князь воротился в столицу, горел желанием свидеться с ним. А теперь, вишь, внезапно нашёлся ещё и дополнительный повод. И он тут же поспешил в здание Военной коллегии.

Григорий Александрович оказался у себя в кабинете... Настроение опять же поднятое. Близился Новый год, да и празднование недавнего Рождества ещё не остыло. Казалось, у него улыбался даже затянутый чёрной тканью мёртвый глаз. Князь поднялся с места и радушно поздоровался с бароном своим грохочущим басом:

– О-о!!! – сказал, стоя на ковровой дорожке и единственным глазом изучающе окидывая барона с головы до ног. – О-о, генерал-пору-у-чик... А вы, оказывается, видный мужчина. Прекрасно!.. Пре-кра-сно!

– Премного благодарен, ваша светлость! – отвечал барон, тут же выказывая вежливость младшего чином.

С тех пор, как барон возрос в чине и обновил свой мундир, он, пожалуй, впервые показывался на людях в этой новехонькой форме. И потому остался в душе очень доволен князем, первым заметившим и даже соизволившим оценить обновы. Настроение поднялось и у барона. Он ещё раз убедился в широте души его светлости.

– Всё-всё лишь благодаря вашей отеческой заботе, светлейший князь! – сказал, ещё явственнее проявляя почтительный нрав.

– Поздравляю, барон! Поздравляю! С новой должностью вас, с новым чином, Осип Андреевич! Итак, я вас слушаю...

После кратких фраз о благополучии и прочем, с радостью поведав, что наслышан об успехах князя на Кавказе и о переходе русской армии через Кавказ, и о приведении Грузии под русскую руку – словом, обо всех добрых и отрадных новостях, барон тоже выразил князю свои поздравления. (К сути же той новости, которую он услышал только что в Коллегии Иностранных дел, решил перейти несколько позже).

– Да-а! – подхватил и без того возбуждённый князь и сам продолжил разговор. – Вы, думаю, помните одну мысль, высказанную мной вам в прошлый раз... Разве могут оставаться равнодушными упустившие своё турецкие янычары? И поскольку они, подзуживая всех вокруг себя, не перестают настраивать против нас все мусульманские народы Кавказа, мы тоже не могли позволить себе сидеть сложа руки... Поэтому привлекли к себе всю жизнь не ведающих продыху от турецких тумачков христиан Кавказа: и грузин, и армян, и даже греков, расположенных несколько обочь. И вот, вошли в Тифлис безо всякого кровопролития. Политика все это, барон... по-ли-ти-ка-а-а! Должен вам сказать, достигнуто сие лишь благодаря тому, что велась правильная политика.

– Разумеется, Ваша светлость! В нынешних условиях узел многих вопросов упирается именно в неё. И меня сильно встревожило и вынудило прийти пред ваши светлые очи – как раз желание узнать подробности некоторых подобных же обстоятельств...

– Говорите, барон, говорите!

– ... Судя по сообщениям людей из Коллегии Иностранных дел, сейчас на пограничных линиях наместничества, которое будет доверено и поручено мне, разгорелись набеги и столкновения, Григорий Александрович. Говорят, особенно на-

калилась обстановка между уральскими казачьими атаманами и киргиз-кайсаками. В связи с этим я и надеюсь выслушать ваш совет по поводу того, какими должны быть направления наших будущих действий и поступков...

– Хм-м, да... Я действительно имею, хоть и немногие, сведения о положении дел на Уральских пограничных линиях, Осип Андреевич. Вы же знаете: хоть уральские казаки и не входят в состав регулярной армии, а всё же через свою Войсковую канцелярию подчиняются непосредственно нам – Государственной Военной коллегии. Недавно обратил внимание, что жалобы и заявления, поступившие от атаманов образовали целую кипу. Я дотошно ознакомился с ними и убедился достоверно, что положение там не очень-то отрадное. А почему? Наверное, было бы легкомысленно делать поспешные выводы. Однако здесь нельзя не обратить внимания на одно немаловажное обстоятельство... – Князь, подавшись вперёд своим огромным телом в шитой золотом форме сел, навалившись всей грудью на дубовую столешницу. – Вам известно самому, что после не столь давней смуты Емельяна Пугачева у казаков полностью отобрали пушки и дано разрешение иметь артиллерию лишь в каменных крепостях, где стоят подразделения регулярных войск. И сразу же, кажется мне, положение дел у казаков, лишившихся грозного оружия, резко ухудшилось! Стало ясно, что, ежели смотреть с военной точки зрения, казачья кавалерия ни на йоту не превосходит киргиз-кайсацкие дружины. Изъятие же артиллерии сразу уравнило вооружённые силы обеих сторон. Дабы восполнить это упущение и с целью дать ощутимую острастку киргиз-кайсакам, я совсем недавно подписал новое распоряжение... И теперь с помощью групп регулярных войск, дислоцирующихся в гарнизонах, казаки смогут, надеюсь, не давать спуска киргиз-кайсакам!

– У меня нет никаких сомнений, что помощь регулярных войск, дислоцирующихся в крепостях, окажется для казаков весьма ощутимой! Регулярные войска есть регулярные войска... Однако, каково же это будет, – то и дело демонстрировать силу регулярных войск и бряцать оружием по отношению к подданному нам же народу, который по своей воле вошёл под нашу протекцию? С позиции политики – мне это видится не совсем оправдывающим себя методом...

– Почему вы так говорите, Осип Андреевич? – изумился князь. – Ни один из генерал-губернаторов, которые были до вас, не отрицал этой методы...

– Да, действительно, не отрицал, светлейший князь! И не только не отрицали, а, наоборот, даже полагали её одним из главных способов держать киргиз-кайсаков в жёстких рамках – то и дело отправлять против них вооружённые отряды и «топить их в крови»... В чём я убедился, переворотив полувековые архивы наших взаимоотношений с киргиз-кайсаками. А ведь этот народ, изначально, по своей воле принявший наше подданство, и по сию пору не делал никаких попыток высвободиться из-под нашей власти. Но всё, что делали правившие краем начальники, – лишь обеими руками намертво вцеплялись в полы этого мнения из «Запасного плана», утверждённого Полномочным Сенатом сорок лет назад, ещё в 1744 году, с подачи покойного генерала Ивана Ивановича Неплюева...

– Интере-есно-о, – протянул князь. – Я слушаю вас! Слушаю, барон...

– В общем, коли главный способ крепко держать в руках бразды правления – это безотлагательно вразумлять смутьянов и неслухов и хоть и изредка, а всё же похлопывать по плечу и похваливать тех, кто симпатизирует нам, то и моими предшественниками использовалась лишь первая часть этой политики. Вторая

забыта напрочь. В результате в памяти подданного нам народа остались лишь постоянные насилия и зло, чинимые верхами. И не осталось ни одного доброго дела по отношению к ним. И, думается мне, скопившиеся со временем эти не благие действия в конечном счёте породили шум и вопли отчаявшегося народа. Довели его до резни и столкновений. Полагаю, Григорий Александрович, что одной из причин усиления сейчас подобных столкновений на Уральской пограничной линии является именно это...

– Эта ваша мысль, Осип Андреевич, наверное, не очень и ошибочна. Но есть ли у вас доказательства тому? Иначе подобное утверждение ваше может оказаться и обвинением...

– Оснований и доказательств тому предостаточно, светлейший! Даже не будет чрезмерным сказать, что их полным-полно.

– Ну-те-ка, попробуйте изложить... Послушаем-послушаем... – Единственный глаз князя, подобно горящему вдалеке факелу, запылал, вопрошающе сверля барона.

Когда Осип Андреевич испытывал сильное волнение или смущение, лицо его обычно тут же бледнело, а лоб зато становился пунцово-тёмным. Так случилось и теперь.

Однако барон сумел удержать взятый тон:

– Коли будет на то ваше дозволение, я хотел бы прочитать доказательства в документальном виде. То есть, – в точном их изложении.

– Что ж, читайте, читайте...

– К примеру, вот... (Барон, едва открыв свою кожаную папку, тут же отыскал в ней некую бумажку и по-прежнему обстоятельно, не дрогнув голосом, продолжил свою речь). Вот, сперва посмотрим на Указы, направленные Коллегией Иностранных дел в Оренбургскую пограничную экспедицию...

...6 ноября 1749 года было дано следующее распоряжение: «Ежели перешедшие в нашу сторону киргиз-кайсаки проявят смутьянство, уведут людей или угонят скот, или кого ограбят, или же окажут заботу кому-либо бежавшим из России в их улусы, не медля нужно написать хану письмо, требуя срочно воротить подобных людей... Если же расстояния окажутся далёкими для того, чтобы связаться с ханом, то без его согласия выходите в набег».

18 июля 1760 года был дан следующий Указ: «Ежели перешедшие в нашу сторону киргиз-кайсаки проявят дерзость, то, дабы подобные башибузуки не оставались без наказания, следует отобрать у них скот и повязать людей; а коли случится, что они, киргизы, окажут вооружённое сопротивление, тут же вступайте в непосредственное сражение и разбейте их наголову».

А вот каков указ от 25 июня 1776 года: «Что касаясь киргиз-кайсаков, злодейским образом корыствующих набегами и воровством при здешних местах и остающихся без всякого возмездия, то для выручения находящихся в их руках здешних пленников, – задерживать приезжающих из них для торгу в Оренбург и другие места и содержать безвыпускно, пока родственники их, принадлежащие к одному с ними улусу, не склонятся к обмену».

4 октября 1779 года был отдан такой приказ: «Мало даётся должного отпора и организуется преследований киргиз-кайсакам, выходящим на разбои... До тех пор, пока не будет возмещён ущерб потерпевших, вместо виновных, которых не удаётся задержать, схватите тех, кто ни в чём не повинен и держите их в заключении».

А 3 июля 1783 года сказано: «Дабы установить спокойствие на пограничных линиях с нашей стороны, совершить репрессалию киргиз-кайсакам, вышедшим из воли ханов и султанов, и не прекращающим самовольного воровства и разбоев; повязать их людей и угнать их скот; для этого использовать и силы регулярных войск, и казаков, и башкир – всё-всё»...

– Хм-м, да!

– ...Как видите, князь, постоянно звучит «гнать», «вязать», «схватить» или даже «разбить»! Однако ни разу не сказано «найти согласие», «приглядеться к сути», «узнать, чем дышат». Потому я и склонен полагать одной из причин усиления столкновений и набегов на Уральских пограничных линиях именно подобные приказы и распоряжения, светлейший! Действительно, коли люди существуют в покое и достатке, то на что же им надобны набеге? Или же это чрезмерные потуги тех, кто не знает собственных силёнок? Ой, нет! Сдаётся мне, все эти беды – лишь от нестабильности существования их, от того, что они не смогли обрести внимания могущественной страны, у коей искали надёжную опору. И эту мою мысль теперь как бы ещё раз подтвердило то же недавнее вхождение в Тифлис безо всякого кровопролития многочисленного войска нашего во главе с Самойловым. Это событие показало правильность вашей политики, сумевшей привлечь к нам христианские народы против происков турков, вознамерившихся настроить против нас все мусульманские народы на Кавказе. Да и разве это и не желание самого грузинского народа, не нашедшего внимания у тех же самых турков, на которых он опирался ранее всю свою жизнь, но не знал однако же продыху от неизбывных тягот?

Вот так же, если мы сумеем установить хоть немного тишины и спокойствия для не нашедших отрады в беспредельной степи своей и, наконец, добровольно присоединившихся к могущественной России киргиз-кайсаков, если сумеем наладить с ними отношения, чуть поддерживая и ублажая их, то они наверняка поймут доброе к себе внимание? И на добро ответят – добром. Не один я так полагаю, Григорий Александрович. Подобную мысль и до меня не раз высказывали знающие люди. Например, до недавнего времени возглавлявший Коллегию Иностранных дел покойный граф Никита Иванович Панин в своём докладе матушке нашей государыне... (барон мельком пробежал взглядом по листочку перед собой), коли сказать точнее, 6 ноября 1764 года пишет: «...Разумеется, не бывает народа без смутьянов... Однако, кто поверит, что среди целого народа больше тех, кто бездельничает и занимается нарушениями, нежели тех, кто желает добра своим сокровникам? Думаю, что подобные благородные люди не опорочат и Малую Орду киргиз-кайсаков, приложат все усилия твёрдо беречь условия подданства». Такая вера вынудила и меня несколько иначе рассматривать взаимоотношения с этим народом, светлейший! – Осип Андреевич искоса взглянул на князя. У Григория Александровича, когда он сильно задумывался, была привычка погружаться в себя и покусывать ногти. Вот и сейчас он с хрустом грыз чёрный, покалеченный ноготь большого пальца.

Барон Игельстром всё больше воодушевлялся.

– К тому же, – сказал он, чуть повышая голос, – и в письмах-наказах милостивой к подданным ей народам августейшей матушки нашей государыни, направленным наместникам края, куда я должен поехать, есть такие места, где она советует не чинить постоянно насилия и обид, а держаться политики добро-

желательства. Я всей душой принимаю этот совет... Ибо, пока не будут на местах безукоснительно исполняться подобные повеления Её Величества, вряд ли положение там будет выправлено.

– Выходит, вы полагаете... – князь, мысли которого, казалось, заняты чем-то совсем другим, вдруг резко повернул голову и единственным глазом вновь пристально посмотрел на собеседника. – Выходит, вы хотите сказать, что... наказания нашей матушки-государыни на местах остаются неучтёнными?

– Ваша светлость... Таково истинное положение дел, и совесть моя не позволила мне не сказать об этом!

– Каковы же ваши доказательства? Каким образом они остаются не учтёнными, господин барон?

– Каким образом, говорите... Думаю, одна из причин в первую голову в том, что повеления Её Величества не читаются их адресатами тщательно и дотошно до самой последней строчки. Ибо, полагаю, опираясь лишь на отдельную мысль матушки государыни о необходимости «поначалу... устроить киргиз-кайсаков вооружёнными отрядами», наши начальники лишь выходили в частые набег. А наказания насчёт спокойствия подданных нам народов, к сожалению, оставляли совершенно без внимания. А поскольку добавились ещё и Указы Коллегии Иностранных дел о «строгих карательных мерах», то это и вовсе развязало руки начальникам нашим...

– Стало быть, – казавшееся перед этим донельзя смурым, если не сказать мрачным, лицо князя теперь как будто несколько потеплело, – как бы то ни было, но есть и подобное повеление, Осип Андреевич?

– Да, есть, разумеется... Я ж этого и не скрываю, Григорий Александрович. Однако же «устроить» или особенно «...устроить поначалу» – вовсе не означает же – то и дело нападать на киргиз-кайсаков вооружёнными отрядами. Не так ли?..

– Да, в этом вы, пожалуй, правы... Осип Андреевич! Однако же, наверное, нельзя считать и действия наших местных правителей совершенно необоснованными?

– Всё дело как раз именно в этом, светлейший! Об этом я и намеревался сказать... Правители, основываясь лишь на Указах Коллегии Иностранных дел, не вчитывались дотошно до последней строчки в повеления матушки нашей государыни. Выбирая лишь удобные для них самих места, совершенно не учли предостережений Её Величества. А подобные предостережения для человека с головой на плечах видны отчетливо. Крупным планом! Вот в чем суть!

– Например?

Барон снова взгляделся в лежащие перед ним бумаги, быстро отыскав то, что ему было нужно, начал читать вслух.

– Например, в письме-ответе на рапорт от 27 декабря 1782 года недавно лишь освобождённого от должности заместника Уфимского и Симбирского местничества генерал-поручика Акима Ивановича Апухтина Её Величество даёт ему такое поручение:

«...Дабы установить мирную жизнь среди наших подданных, всем комендантам, начальникам округов, стражам порядка проявлять постоянную бдительность, неукоснительно соблюдать сохранение покоя; не чинить преград в приездах и отъездах ни одному человеку, прибывающему для торгу; окончательно прекратить брать с таких взятки и оказывать на них давления...»

Видите сами, светлейший, если Коллегия иностранных дел говорит: «... задерживать приезжающих из них для торгу и содержать безвыпускно, пока родственники их, принадлежащие к одному с ними улусу, не склонятся к обмену пленными и действительно на то не поступят», и коли местная администрация по сей день так и делает, то матушка наша Государыня велит: «... не чинить преград в приездах и отъездах ни одному человеку, прибывающему для торгу, не оказывать на них давления». Какая разительная разница?

В связи с учащением набегов на Уральские пограничные линии, матушка наша государыня 3 июля 1783 года написала снова тому же бывшему наместнику края Акиму Ивановичу Апухтину: «... не могу, однако ж, оставить без примечания, что как таковые нападения их (киргиз-кайсаков) не могут быть без какого-либо повода, и особливо не подают ли к тому причины частые обиды, чинимые нашими начальниками на границе (а что они – должны отбираться в основном из самых честных, самых чистых, с душой относящихся к службе людей, известно само по себе?). Нет ли среди наших людей на линии лиц, склонных к мздоимству? – коли заметите подобное, то, уверена, примете должные меры и пресечёте их».

Разве это не свидетельство любви к справедливости и заботливого отношения милостивой матушки нашей государыни к её подданным? Однако местная администрация вместо того, чтобы выяснить суть дела, по сию пору ищет лишь вину киргиз-кайсаков, не придавая значения тому, какая сторона виновна. Не разобравшись, ограничивается по отношению к нашим подданным лишь правилом «око за око, зуб за зуб»... И это тоже, пожалуй, нельзя считать добросовестным выполнением повелений Её Величества...

Даже в своём рескрипте от второго мая нынешнего года Императрица написала наместнику края так:

«Повелеваем Вам строго требовать безукоснительного соблюдения военной дисциплины воинскими начальниками, командирами полевых и гарнизонных частей; а каждый из них не должен позволять своим подчинённым ни грабить, ни разорять ни киргиз-кайсаков, ни других, ни допускать иных нарушений; любой же из тех, кто не желает подчиняться этому, должен быть привлечён к суду и строго наказан в качестве нарушителей покоя наших подданных, и как злостные преступники, таким образом, своими неблаговидными делами подталкивающие люд на беспорядки; ибо мы нисколько не сомневаемся, что неоправданные действия самих правителей края в прошлые годы – стали причиной мстительных набегов отчаявшихся киргиз-кайсаков, их воровства и разбоев».

– Видите сами, – продолжал барон, поощряемый молчанием патрона, – причины того, что на Уральских пограничных линиях долгие годы не прекращаются набеги и даже усилились в последнее время, очевидны. Однако язык не поворачивается сказать, что на местах неукоснительно исполняются напоминания раскрывшей эти причины матушки нашей государыни.

В таких условиях... коли мы опять взвалим всю вину на киргиз-кайсаков и будем продолжать бряцать оружием, то, как сказала матушка наша государыня: «отчаявшиеся киргиз-кайсаки, дабы отомстить, могут опять усилить свои набеги на Уральской пограничной линии». Это – во-первых!

А во-вторых, будет ли для нас хорошо, если однажды, утомившийся от частых сражений, разочаровавшийся, не нашедший отрады от могущественной страны, в которой искал опору, подданный нам народ скопом откочует в сторону близких

ему по языку, по духу и вере ханств Средней Азии? И, как вы сами говорили в прошлый раз, не улучшим ли мы тогда своими руками положение турков, стремящихся сговориться с ними, ханами Средней Азии?!

Вот я и пришёл к вам просить совета, светлейший!

– Да-а-а. Доводы ваши кажутся уместными, Осип Андреевич! Что ж, подумаю... подумаем. Ответ услышите потом. Что у вас ещё имеется сказать?..

Видя, как посветлело лицо князя, Осип Андреевич решился тут же выложить ещё одну свою мысль, покамест хранимую втайне.

– Ваша светлость! – вымолвил, заикаясь, – я-я-я н-н-не сам придумал всё это. Таковы лишь выводы мои из повелений и указаний матушки нашей Государыни наместникам края, бывшим до меня. Лишь бы вы довели до сведения Её Величества матушки нашей государыни эти мои скромные умозаключения... И ещё, если бы сказали, что один из путей сделать равными с другими этот народ, более полувека назад ставший нашим подданным, – это претворение в жизнь поручения, данного второго мая нынешнего года бывшему наместником до меня генерал-поручику Акиму Ивановичу Апухтину о необходимости в соответствии с Учреждением по управлению губерниями 1775 года создать в Оренбурге Пограничный суд. Тем самым, главным направлением, придерживаться которого я стану, будет приведение подданного Её Величеству туземного народа под общий для всей России закон.

– О-о-о, Осип Андреевич, вы, похоже, очень далеко пойдёте. Ладно, ладно... Я несказанно рад. Постараюсь донести ваши слова до матушки государыни. Да! Скоро во Дворце должен состояться торжественный вечер. Вы приглашены?... Приходите. Непременно приходите, господин барон...

– Премного благодарен, ваша светлость! Позвольте ещё раз поклониться вашей светлейшей милости, – произнёс барон, склоняя голову.

– Ну, тогда пока...

– Будьте здоровы, светлейший!

* * *

«...Какой же хлопотный день, Господи!» – В ту ночь это была единственная мысль, пришедшая в голову отходящего ко сну барона.

* * *

Во всех уголках необъятной России, и в принаряженном, торжественном Санкт-Петербурге, и в отдалённых деревеньках, и в одиноких домиках дорожных разъездов рождалось ощущение близких праздников. Даже самый тягловый люд на день-другой как бы забыл о нелёгких своих житейских буднях. Новый год – как же быстро он пролетел! Рабочие на тяжёлом производстве, крестьяне, по горло утопающие в повседневных тяготах и муках, пастухи и батраки, не ведающие ни сна, ни отдыха, слуги, изо всех сил угрожающие хозяевам своим, конюхи и извозчики, угольщики и водоносы, прачки и всякая домашняя прислуга – все они снова подставили свои натруженные выи под предназначенное им судьбою тугое и жесткое ярмо. Только на днях радостно встреченный ими всеми Новый год, 1785-ый, нёс с собой недобрые перемены.

Поступила весть о введении добавочного налога на каждый дом...

Даже цены на соль и то вознеслись до небес.

Давно уже убедившиеся в том, что Государство с его ненасытной глоткой всё равно не оставит свою привычку мёртвой хваткой держать их за горло, русские люди по-прежнему продолжали трудиться, дабы выжить, по-прежнему любили своих жён и растили детей; по исконным традициям дедов и прадедов: крестили, если в жизнь являлся младенец; хоронили с молитвами и должными обрядами, если уходили в мир иной их родные или близкие... Словом, продолжали себе жить по тысячелетнему укладу...

А что касается Санкт-Петербурга, воротилы столицы и в ус не дули от этих перемен. Они их, можно сказать, и не замечали, продолжая себе жить припеваючи, как и прежде – и в довольстве, и в сытости.

В один из этих дней Осипа Андреевича вызвал к себе президент Коммерц-коллегии граф Александр Романович Воронцов. Лишь вежливо поздравив барона с новой его должностью и повышением звания (не зря свет полагал Александра Романовича человеком весьма сдержанным), граф вскоре перешёл на положение в стране:

– ...Наверное, вам понятно, что введение добавочного налога – необходимость, связанная с сильным оскудением нашей государственной казны, – сказал президент, суровая тонкими чертами лица. – А восполнять эту пустоту, господин барон, будет возлагаться теперь и на нас с вами...

– ???

– ...Каким образом, спрашиваете вы? (Красивые, длинные и тонкие пальцы графа, никогда в жизни не державшие ничего тяжелее гусяного пера, потянулись было к лежавшему перед ними карандашу, но и тут же замерли). Для этого нам с вами необходимо теперь... оживить русскую торговлю. В особенности – внешнюю торговлю.

– Честь имею, Ваше сиятельство!

– Господин барон! Наверное, вашему высокопревосходительству известно, что через пограничные края, куда вы должны отправиться, в Среднюю Азию – особенно в Хиву и Бухару – и прежде ходили наши русские торговые караваны?

– Известно, ваше сиятельство.

– А коли известно, могу ли я надеяться, что по приезду в Оренбург, вы, ваше высокопревосходительство, тщательно ознакомившись с материалами, собранными бывшими до вас руководителями края и имеющимися в Оренбургской Пограничной экспедиции, в Оренбургской и Троицкой таможнях, а также с наиболее важными и значительными бухгалтерскими документами русских и бухарских купцов, сможете дать полезные советы нашей Коммерц-коллегии?

Барон запнулся, не зная, что и ответить.

– Ваше сиятельство... – начал он несколько отвлечённо, – что мне сказать вам по этому поводу? Если по чести, я всё же человек, который до сей поры никогда специально не занимался ни торговыми, ни бухгалтерскими делами... Не хочу скрывать от вас, что я очень далёк от этого весьма многосложного дела, и в первую очередь от внешней торговли. Поэтому в моём положении давать советы кому бы то ни было, а тем паче вам, ваше сиятельство, – опрометчиво. Это по плечу, пожалуй, разве что тем, кто уже зубы съел на этом деле, а не мне. Однако же, – барон снова помолчал и продолжил уже спокойнее, – да, однако же, никто ведь не рождается, сразу зная всё и вся. И потом – «коль уж впрягся – так вези». В связи с новыми должностными обязанностями придётся и мне освоить эту столь непростую сферу. В таком случае...

– Разумеется, я не говорю, что ваше высокопревосходительство, едва приехав туда, сделает всё досконально, – перебил его граф. – Дайте знать о вашем мнении, барон, уже после того, как дотошно ознакомитесь с обстановкою на местах.

– Честь имею, Ваше сиятельство! Сказать правду, уже попробовал хоть немного да ознакомиться с документами по меновым и торговым делам в Оренбурге. Если посмотреть торговые ведомости за последние четыре года, то отчётливо видно, что чистая прибыль – на нашей стороне. И нет никаких сомнений, что выгода наша и в дальнейшем будет возрастать из года в год. Однако было бы и впрямь преувеличением утверждать, что тонкости этого дела исследованы мною полностью...

– Да-да, мне интересны и ваши предварительные суждения. – Граф изящным движением взял тот самый карандаш, который лежал на столе перед ним, сжал его красивыми тонкими пальцами и выжидательно поглядел на барона.

– К примеру, сколько сил приложило наше государство, чтобы широко развить русскую торговлю до отдалённых областей Азии, какие меры для этого были приняты, – всё это явственно видно из отношений, направленных тайным советником, покойным Иваном Ивановичем Неплюевым и бригадиром (позднее ему было присвоено звание генерал-майора) Тевкелевым в Коллегию Иностранных дел, а Коллегией Иностранных дел – им двоим. Однако же в этих бумагах прослеживается лишь одна цель – как развивать торговлю с далёкими странами, то есть, как сподручнее доставлять им русские товары? А обретёт ли Россия пользу от того, что будут доставлены товары в ту же Хиву и Бухару, Бадахшан и Балх и даже в далекую Индию? – этот вопрос оставался абсолютно без внимания. По сию пору ещё нет ответа на него; и не видно пока никого, кто бы специально уделял ему пристальное внимание и пытался его исследовать.

– Как же это «нет никого, кто бы уделял внимание и исследовал»? Насколько мне известно, имеется вроде специально подготовленный проект теми же самыми людьми, которых вы упоминали только что, тайным советником, покойным Иваном Ивановичем Неплюевым и бригадиром Тевкелевым – проект налаживания торговли в Азии?

– Да, конечно, подобный проект, действительно, есть, Ваше сиятельство. Тридцать четыре года назад, сказать точнее, 29 января 1751 года покойный господин Неплюев сдал в Коллегию Иностранных дел документ о необходимости для оживления торговли с Азией объединения крупных купцов и открытия специальной Торговой компании. А также о предоставлении им монопольного права на эту торговлю. Там даже были указаны имена и фамилии купцов, которые войдут в состав компании. Если мне не изменяет память, трое москвичей: русский Гаврила Журавлёв, армянин Василий Макаров и грек Иван Мавродий. Четвёртый – сибирский купец, крупный заводовладелец Иван Твердышев, затем ростовчанин Алексей Кекин и (имени и фамилии сейчас вспомнить не могу) ещё один – всего шесть человек. Им даже было указано держать в Хиве и Бухаре постоянное представительство. Однако, сдаётся мне, этот монополиум не столько развивал торговлю, сколько пригасил её.

– Почему же вы так полагаете?.. – сказал граф, продолжая убористым, каллиграфическим, таким же аристократическим, как и сами его пальцы, почерком стремительно заносить карандашом на бумагу каждое слово барона: – Разъясните, пожалуйста, ваше мнение!

– ...Потому что, судя по документам, и по сию пору лишь считанные их караваны, идущие в Среднюю Азию или же возвращающиеся оттуда, благополучно добираются до русской границы. Однако те самые члены монополия и начальники Пограничной экспедиции, не принимая никаких действенных мер по обеспечению безопасности караванов, ограничивались и ограничиваются всего лишь письмами киргиз-кайсацкому хану с просьбами без помех пропустить товары и людей. То есть – лишь формальными просьбами гарантировать безопасное прохождение этих самых караванов. Которые не знали и не знают никакого проходу от ограблений. Какая уж тут выгода?

...Повторяю, что я, разумеется, не силен в коммерции и, если в моих словах есть какая-либо ошибка, то приношу мои самые нижайшие извинения, Ваше сиятельство!

– Да нет, в ваших выводах я пока не вижу ничего несуразного, барон, – промолвил граф, поглядывая то на свои записи, то на собеседника, – наоборот, кажется мне, вы затронули весьма уместные вопросы, о которых, пожалуй, и нам стоит задуматься... Я бы хотел сказать... было бы прекрасно, когда бы ваше высокопревосходительство в качестве военного человека пеклись не только о спокойствии пограничных линий вверенных вам краёв, но, поскольку назначены генерал-губернатором, – обратили бы внимание и на внутреннее положение в тех местах. Особенно на взаимоотношения с подданным нам народом тех земель и, в первую очередь, – на взаимообмен и торговлю. Сказать по чести, в этом сейчас очень нуждается великая Россия. Помните всегда об этом...

– Разумеется, Ваше сиятельство! Мы никогда не будем забывать, что любая польза для матушки России – является нашим неременным гражданским долгом!

– Благодарствую вам за это, господин барон... Благодарствую! Что ж... в таком случае простимся с надеждой, что ваше высокопревосходительство будет непрерывно сообщать нашей Коммерц-коллегии о меновых и торговых делах в тех землях, куда вы намерены отправиться? Не так ли?

– Честь имею, Ваше сиятельство!

Граф даже поднялся с места и, вежливо подав руку, простился с бароном на ковровой дорожке. Тонкие и длинные пальцы графа, коснувшиеся пухловатой руки барона, оказались странно холодными и, вообще-то, жестковатыми...

Уже выйдя наружу, на Дворцовую площадь, барон Игельстром подумал, что холодно-отчуждённый стиль общения с людьми наверняка сформировался у графа за долгие годы, проведённые на дипломатической службе вдалеке от России. Привык, небось, только к официозным взаимоотношениям, к англо-саксонской манере разговора. Вон до сих пор, как от Невы, веет холодком. Хоть и видимся с ним впервые в жизни, а разговаривал с самого начала так, словно меж нами когда-то кошка пробежала! Похоже, этому человеку отнюдь не свойственен впитавшийся в кровь здешнего светского общества сентиментальный французский дух... Да, долгонько таки пробыл он полномочным министром в Англии! «Вашему высокопревосходительству, наверное, известно?» «Простимся с надеждой, что ваше высокопревосходительство будет сообщать...» и прочее.

«Станный он человек, – мысленно сказал сам себе барон, неизвестно почему покачав головой. – Не только слова свои чудно как-то складывает, но даже и одевается как-то не так и всё строчит, строчит...»

...Поскольку вся его жизнь проходила в армии, Осип Андреевич по сию пору как-то не обращал особенного внимания ни на какую иную одежду, кроме мундира. У мундиров всё определеннее... У инфантерии – светло-зеленый цвет мундира; у кавалерии – синий; форма артиллерии – красная. А флотский белоснежный мундир – вот уж действительно необычаен: глядишь и кажется, что это играют в штиль яркие солнечные блики, сверкая на зеркальной водной глади и слепя глаза. Мундиры! – с ними понятнее. А с тех пор, как приехал в Санкт-Петербург, барон не уставал поражаться, видя невероятно умножившееся за эти два года, что не бывал в столице, разнообразие самых всевозможных образцов одежды. А вот костюм такого фасона, какой был на Александре Романовиче, повидал, надо признать, впервые. Кафтан с прямым воротником, с фалдами, приподнято завёрнутыми наподобие вороньих крыльев. И рукава-то у него так и прилипли к запястьям. А под кафтаном надето нечто, вроде камзола; и у этого камзола низ настолько короток, что, похоже, едва прикрывал живот до пупка. Кажется, тесноту этой стянутой донельзя одежды могла выдержать лишь такая сухопарая фигура, как у графа.

Кстати, об образцах одежды... Вспомнилось, что считанные годы назад был несказанно поражён, увидев в начавшем выпускаться в России журнале «Библиотека ради дамского туалета» женскую одежду будущего. (Если верить журналу, это были наряды, именуемые «криком моды»). После этого он уже даже от нечего делать не открывал страниц этого безобразия. А вот одевание на графе... неужели тоже из будущего? Разве ж это мужская одежда? Как-то неприлично обтягивает тело – как лайковая перчатка.

...Он, конечно же, знал, что в эту пору необъятная Россия была поделена на три пояса: и чиновники трёх этих поясов, условно именуемых Северный, Средний и Южный, должны были носить три вида одежды. Правда, и это не меняло «содержания» и формы мундира, а являлось лишь разделением по цветам. Например, «северные» чиновники носили мундиры голубого цвета, чиновники Среднего пояса – мундиры тёмно-красные, а «южные» – обязаны носить фиолетовые цвета. Соответственно с этим и их супруги, и дочери, поддерживая цвета своих губерний, должны были посещать торжественные общественные вечера лишь в туалетах соответствующего цвета.

Ну а то, что он видел сегодня... Барону это показалось как-то не совсем подходящим к графскому титулу Александра Романовича.

(Разумеется, ничего нестойкого в этом нет, – думал он, отвлекаясь от более серьёзных размышлений, – но... Ладно, коли бы так одевались другие, однако же известный человек, стоящий во главе государственных дел, президент коллегии? Не знаю, не знаю... Но – ему, сверху, виднее...)

Столь пристрастно возвращался Осип Андреевич к облику президента Коммерц-коллегии ещё и потому, что ему самому предстояло заказать себе парадную одежду для торжественных вечеров. После аудиенции у графа он как раз направлялся к дому одного из знаменитых петербургских портных...

Вот и ломал голову, едучи туда.

* * *

Не зря, пожалуй, сказано: «Ожидание праздника интересней его самого...»

После того, как в начале года вышел Указ о добавочном налоге на каждый дом, большие государственные сановники напряжённо прислушивались к каждому

слуху: чем же отзовется народ? Однако дни шли вереницей за днями, недели за неделями, в народе же не возникало никакого шума и ропота, которого настороженно ожидали государственные мужи... Привычный есть до отвала, если полно снеди, и довольствоваться унылой пустотою брюха, коли шаром покати на столе, русский человек и на этот раз по привычной ему отчаянной терпеливости (хотя наверняка в душе под спудом у него и роились чёрные мысли), продолжал, стиснув зубы, угрюмо молчать. («Э-эх! Если бы финансы России были так же неисчерпаемы, как терпение нашего русского человека, – сказал-де как-то князь Потемкин, – в мире бы не было народа равного нам!»). Выждав немалое время, сановники, воодушевлённые людским молчанием, снова принялись обдумывать дополнительные пути упорядочения основательно оскудевшей российской государственной казны.

На это уходило время...

По исконной традиции Двора начался официальный приём послов европейских стран. Нелегкое это дело – найти подход к каждому из матёрых дипломатов, стерегущих любой неверный шаг во внутренней и внешней политике России: посла Пруссии Герца, посла Швеции барона Фридриха фон Нолькена, английского посла милорда Аллена Фицгерберта, недавно лишь прибывшего французского посла графа Сегюр Д'Агессо, посла Испании Нормандеса, посла священной Римской империи (Австрия) графа Кобенцля. «Волчара голода не кажет» – и русский кабинет изо всех сил пускал им пыль в глаза.

Изрядно средств ушло и на это...

А когда начали надеяться, что теперь-то подойдут и благие перемены в имперском хозяйстве, со стороны Кавказа, откуда совсем недавно доходили радостные вести, вдруг занялось пламя восстания.

...Сначала ни с того, ни с сего задрожали сами Кавказские горы. Восстала сама природа. Вдруг надвое разверзлась и снова сошлась земля. А после страшного землетрясения, появился из далёкого чеченского аула Алды некий неумный шейх по имени Мансур:

– Эй вы, божьи рабы, правоверные последователи Магомета! Разве не сказано в священном Коране, что перед наступлением конца света с небес снизойдет Иисус, а из-под земли появится Мадди... Я и есть ваш Мадди, который появился из-под земли, когда затряслись Кавказские горы и на глазах у вас разверзлась твердь земная! Теперь вы должны следовать за мной! Если является непреложной истиной то, что сказал Аллах-тагалах, если является непреложной истиной то, что наказывал он Пророку нашему Мухаммеду, значит, наступило время бедствий для всех гяуров, следующих бредням шайтана, читающих справа налево и пишущих справа налево. Газават... Га-за-ва-ат!

Правительство снова проснулось, всполошилось, президент Государственной Военной Коллегии князь Потёмкин дал приказ в срочном порядке послать в Сунжу отряд, чтобы загнать «этого Мадди» туда, откуда он выбрался. Под землю! Однако двухтысячный отряд, отправившийся, волоча две пушки, едва получив приказ, был неожиданно разбит наголову шейхом Мансуром – ещё до вечера того же дня. Мало того – Мансур велел зарезать около шестисот солдат; оставшихся же в живых пленных – вместе с двумя пушками – угнал в горы. Это означало, что взаимоотношения с Грузией, только недавно приведённой под протекцию России, снова прервались на неведомый срок...

Беда пошла и дальше. Было замечено, что огромное войско шейха Мансура, не ограничившись тем, что оборвало взаимосвязь с Грузией (Военно-Грузинскую дорогу), теперь, стремясь перерезать и дороги России у Азова и Астрахани, тут же направилось в сторону Кизляра.

– Не зря, видимо, этот самый Мадди возник из-под недр земных. Есть, видимо, некто, кто, что ни день, вливает в уши этому Мансуру, в окутанную чалмой иссушенную чеченскую голову дерзкие советы. Ваше Величество... – сказал, якобы князь Потёмкин, зайдя к самой государыне, – Не поручить ли нам строго российскому послу в Порте Якову Ивановичу Булгакову сказать открыто и прямо о нашем направлении! Дабы не только турецкому султану, но и находящемуся там французскому послу Шюзе-Гофье, стало понятно, что в политике, связанной с Азией, мы будем оставаться на наших прежних позициях и что науськивающие действия ничего путного не дадут и ничего не изменят? Что мы найдём, как на них ответить...

Предложения светлейшего князя никогда не оставались без милостивого внимания; и в этот раз они нашли поддержку со стороны владычицы престола. И в тот же день была отправлена срочная депеша...

Лишь после этого ход событий¹² обрёл хоть какое-то, пусть и видимое, затишье. Пользуясь этим (а может быть, дабы не дать злым языкам распространять всевозможные слухи в это сложное время, мол, «Русский кабинет одинаково зашёл в тупик и во внутренней и во внешней политике»), двор срочно принялся за проведение давно ожидаемого Торжественного вечера.

...Когда от обилия лучистого сияния в громадном аванзале, от кипящего многолюдия гостей, приглашенных на Торжественный вечер, от нарядов мужчин и женщин столичного бомонда, явившегося, нацепив на себя все свои драгоценности, от всеобщего праздничного состояния, да и от твоего собственного приподнятого настроения кружится голова и темнеет в глазах, такой момент, такое собрание хоть и не является чем-то исключительным для в общем-то небольшой кучки избранных при Дворе, однако каждому счастливчику берedit душу и волнует кровь. Что до простых смертных, то окажись они на торжестве, это было бы таким редким счастьем, о коем помнят и рассказывают, как предание, всю жизнь.

Барон Игельстром воротился с сегодняшнего вечера именно с такими мыслями, переполненный самыми возвышенными впечатлениями...

А как же иначе...

Мог ли ещё вчера пешком вздымавший пыль в столь далёкой Польше генерал от инфантерии даже помыслить, что будет участвовать в Торжественном вечере, где собрался весь цвет Санкт-Петербурга? Вечер, – в самом сердце столицы, – во Дворце Торжеств! Участие в нём означает, что теперь и ты причислен к лику избранных.

А превыше всего же было – то, что он видел там самую Её Величество!!! Её саму! Он запомнит всё-всё...

Женщины и мужчины, разделившись на два ряда и оставив между собой широкий проход, стояли ровными рядами друг против друга. И вдруг... резко оборвались все перешептывания и тихие пересуды, и без того высоко поднятые головы мужчин вздернулись ещё выше и застыли совершенно неподвижно. Барон под общее настроение тоже резко вытянулся в струнку и краем глаза увидел, как

¹² «Ход событий» – эта война начавшаяся на Кавказе в 1785 году, тянулась до второй половины следующего столетия.

мгновенно исчезли даже лёгкие веера у женщин, только что нетерпеливо овевавших ими свои накрашенные лица. Все глаза, а у женщин с особым любопытством и пристрастием, напряжённо всматривались в сторону центральной двери.

И вот... В самом центре распахнулась высокая двустворчатая дубовая дверь, и оттуда вышли... два крылатых ангела. Два пажа с белыми палочками – олицетворя Меркурия – в руках. Все вокруг затаили дыхание.

И – чудо! Не прошло и мгновения, как сразу же следом за крылатыми ангелами вышла сама... сама Её Величество матушка-государыня.

Императрица ступала... как бы поточнее сказать – осиянно. Необычайно прямо держа не потерявшее ещё формы, несмотря на возраст, ещё красивое тело. Сияя широким лбом, отблескивающим под льющимся сверху светом. С величественным видом, присущим лишь монархам, обладающим неограниченной властью, высоко подняв подбородок, излучая вокруг себя из своих синих-синих глаз с длинными ресницами мягкое, обволакивающее тепло...

Шлейф её длинного платья, скользя по полу, скрывал её стопы. И государыня-матушка, казалось, не шла, а тихо и ровно парила над широкой ковровой дорожкой.

Вот она лёгким наклоном головы поприветствовала стоящих во главе двух длинных рядов сановников. И до сих пор донельзя задранные, горделивые головы тотчас склонились перед ней. Люди, казалось, едва не падали всей грудью, подобострастно перегибаясь в поясницах.

Поклоны, поклоны...

Глядевшая на всех с лёгкой улыбкой Императрица принимала их как должное. Не останавливала взгляда ни на ком, лишь едва заметно приветствовала всех лёгким движеньем маленького округлого подбородка. И всё парила, парила.

Барону Игельструму никогда прежде не доводилось видеть Екатерину. И вот, когда она приблизилась вплотную к нему, он, низко кланяясь, всё же робко взглянул на её лицо. И вдруг... Острый луч от одного из драгоценных камней, коих немало на Императрице, внезапно ослепил, резанул по глазам барона. На миг он даже перестал видеть что-либо вокруг. И так оробел, что даже и сам не знал, поклонился ли он матушке государыне, подобно остальным, или же склонился гораздо ниже, нежели они. Когда же решился поднять глаза ещё раз, то Её Величество оказалась уже довольно далеко...

Барон ещё долго не мог прийти в себя, смущаясь в душе, словно мальчишка. С трудом овладел собой лишь после того, как Императрица, подобно командиру, производившему смотр подчиненного ему полка, так же, как и ранее, горделиво и надменно неся голову, воротилась назад, пройдя от одного края двух застывших перед ней рядов до другого. И тогда лишь, как бы поблекший и тоже сробевший от одного высокомерного взгляда государыни, аванзал вновь обрёл свое прежнее великолепие. Изукрашенные золотом и медью мраморные колонны и льющееся из хрустальных люстр под потолком ласковое сиянье, и утопающее в этом ласковом сиянии торжественно-нарядное общество – всё-всё-всё вновь обрело свою ослепительную красоту и устойчивость.

Выход императрицы был кульминацией вечера. То, что торжества знаменитого на весь мир своим размахом и своими возможностями русского Двора всегда бываюот ошеломляющей демонстрацией богатства и изобилия, давным-давно признали не только друзья, но и недруги России. А матушка-вседержительница стала теперь одной из самых авторитетных государей не только в России, но и во всей Европе.

Называет двух знаменитых мыслителей XVIII века – Вольтера и Дидро – «своими друзьями»; а с их ответной благодарной подачи Екатерину именуют теперь «Северной Семирамидой». И сама законодательница мод, горделивая Франция (несмотря на некоторые политические противоречия между Версалем и Санкт-Петербургским Двором) признала её самой изящной женщиной в Европе и считает «Гранд Даме». Мелочь, но – начиная с самых крохотных лавчонок Пале-Рояля до знаменитейших салонов Парижа, тут продают нарасхват одежду для малышей, русские сарафаны и кокошники из образцов, скроенных собственноручно Русской Императрицей, и получают от этого баснословную прибыль! И французская столица поневоле вынуждена открывать магазины под названиями «А ла даме Русса», «Ау Руссе галант»... всё это нашло своё отражение в Торжестве царицы царей и цариц.

Смущённый недавней своей неловкостью и весь вечер не подбирившийся слишком близко к особо крупным сановникам, а лишь издали наблюдавший за ними Игельстром к самому концу Торжества неожиданно столкнулся лицом к лицу с... графом Александром Андреевичем Безбородко. И это, похоже, было явной удачей.

– О-о, Осип Андреевич! Ваше вы-со-ко-превосходительство! – воскликнул граф, налегая на гласные звуки. Лицо радушно, давешней суровости как не бывало. – Как здорово, что мы с вами повстречались! Вы, кстати, мне очень нужны... – сказал он затем, склоняясь к обычному своему служебному усердию, хотя перед тем, показалось, куда-то спешил. – Да, очень нужны! Накрепко хочу напомнить вам, что в течение дня-другого вас ожидает честь быть принятым на высочайшей аудиенции у матушки нашей государыни. Это, считайте, одно! Ах, точный день?... День – послезавтра. Да, пос-ле-завт-ра утром... А, во-вторых, думаю, вы не позже, чем завтра, передадите в мои руки ваши раздумья и мнения о положении дел в краях, куда должны будете отправиться... Так ведь? А?!

– Разумеется, Ваше сиятельство! Честь имею!..

– Вот-вот... Я и сам так полагал. Значит, мы с вами договорились... завтра же?

– Разумеется, ваше...

* * *

Назавтра.

«Monsieur le Comte!

Ayant l'honneur de presentera votre excellence mes idees, je la supplie tres humblement de m' accorder la grace de les renvoyer corrigees et augmentees par les siennes. Le parfait devouement que je porte a sa personne la convain-guera de ma profonde reconnaissance et du plus parfait respect avec les guels j'ai l'honneur d etre de votre excellence le tres humble et tres obeissant serviteur.

Baron d'Igelstromh

24 de Fevrier, 1785¹³ – такая записка на французском языке, подшитая к рапорту (написанному бароном в канун Нового года) была положена на стол графа Безбородко.

¹³ «Сиятельный граф! Направляя Вашему милостивому вниманию мои раздумья и мнения, нижайше прошу, восполнив, если в изложении Вашего покорного слуги есть какие-либо недостатки, и убрав, ежели сказано что-то лишнее, вместе с Вашими собственноручно внесёнными замечаниями вернуть мне этот рапорт. Моя искренняя Вам преданность всегда будет проявляться моей всегдашней покорностью и чистотой моих помыслов; а это должно стать знаком того, что я, всегда полагаясь на Ваше покровительство, буду премного благодарен Вам, а также всегда буду готов ревностно служить Вашей высокочтимой милости». Барон Игельстром...» 24 февраля 1785 года».

Сам Александр Андреевич, как обычно, с раннего утра уехал во Дворец для доклада Её Величеству об особо важных международных вопросах. Ещё не воротился. Поскольку секретарь графа сказал: «Ждите теперь вестей от нас... Его сиятельство просил вам на словах передать это», – барон не стал задерживаться. Оставил принесённые им бумаги и вышел из здания Коллегии.

Хоть рапорт он оставить-то оставил, всё же не зная, придётся ли он по душе его сиятельству, – ведь доклад барон написал, не повидавши собственными глазами положения дел на дальних пограничных линиях, а лишь по данным, которые изложены в архивных бумагах, Игельстром весь день был охвачен сомнениями, не находя успокоения, мотался по городу и лишь затемно, сильно устав, воротился в дом своей сестрицы.

А перед глазами всё равно по-прежнему, неотступно стояли каждая запятая и каждая точка этого, будь он неладен, рапорта!

«...При внимательном рассмотрении положения дел с киргиз-кайсацкой Ордой на границе, особо бросаются в глаза две задачи. Первое...».

И память «строчит» в голове сама по себе!

«...Касательно ж до регулярных войск... – мечутся от одной фразы к другой его мысли, – ...достаточно будет оставить прежнее число гарнизонных батальонов, расположенных в сорока восьми крепостях, пятидесяти редутах и сорока восьми форпостах, дабы...»

«...О сокращении пограничной линии и переносе оной нужно...» – вдруг вообще вслух заговорил он.

Вот наваждение!

Мысленно барон рассматривал и рассматривал своё творение, но – теперь уже чужим, придирчивым взглядом.

Из-за того и проворочался всю ночь, так и не сумев заснуть. Когда становилось совсем уже невмочь, невольно вставал с постели и долго ходил по комнате взад и вперёд. Потом опять ложился в постель. Вставал и ложился, вставал и ложился. Или же подходил к окну и подолгу всматривался в ночную темень за стеклом. А там... начавший мелко сыпать к вечеру снежок теперь уже валил густыми, мягкими хлопьями. Во всём мире царила беспробудная тишина. Всё-всё окрест погружено в глухую дрему, словно накрепко заткнуло себе уши этим белым пушистым снегом...

Встретивший рассвет так и не сомкнув ресниц, барон на какое-то время всё-таки чуть-чуть вздремнул. Однако же привычный по заведенному ещё блаженной памяти Императором Петром Великим обычаю подниматься в предрассветной темени столичный люд вскоре разбудил его утренним своим суетливым снованием. И барон уже не в силах был оставаться в постели и довольно нехотя, но всё же поднялся и тоже вышел из дому. Всё сплошь окутано в белоснежное покрывало, вся окрестность, как и барон, застыла, дремотно и долго позевывая.

Снег, валивший всю ночь мягкими, густыми хлопьями, перед рассветом перестал наконец идти, и лежал теперь на земле толстым слоем – выше колена.

Он ласково окутал и каждый темнеющий кустик, кроны деревьев, маковки каменных фонарных столбов, крыши высоких и надменных домов. Куда ни глянешь – всюду пенистая белая пороша, готовая вскинуться и полететь от первого же дуновения. И по этой пенистой белоснежной пороше медленно сползала суровая и студёная, как лезвие меча, предрассветная сумеречная тень...

Ощувив вдруг, что успел продрогнуть всем телом от этой предрассветной стужи, барон в последний раз полной грудью вдохнул свежий и несказанно чистый утренний воздух и возвратился в дом.

Чтобы скорее разогнать сонливость, велел наполнить рукомойник до краёв ледяной водой и – давай умываться! Обдавал этой ледяной влагой и руки, и лицо, и даже грудь, всё своё тело по самый пояс! И тут же, почти мгновенно, ощутил необычайную бодрость и свежесть.

В таких редких случаях осознаешь вдруг пользу и от того, что до сих пор так и не женился! Что до сих пор остаёшься холостым и свободным. Барон, слава Богу, ещё не кряхтит и не охает, не страдает ни одышкой, ни ожирением, подобно некоторым рано обзаведшимся семьями, а остаётся по сию пору и здоровым, и сильным, и крепким, хотя ему уже давно перевалило за сорок. Вот и сейчас он вновь обрёл своё всегдашнее пружинистое и собранное состояние. Настроение поднялось, и он, утираясь на ходу мягким полотенцем, уверенными и бодрыми шагами подошёл к большому округлому зеркалу и увидел, что бакенбарды, отпущенные ещё с давних молодых лет, спадая искоса вниз от висков к щекам, курчавятся по-прежнему густо и ровно с обеих сторон. Не было заметно ничего лишнего и ненужного. Чисто-начисто выбрит и его квадратный подбородок. Лишь в прожилках светло-сероватых глаз под густыми лохматыми бровями как признак ночного беспокойства заметны лёгонькие покраснения. Однако же поскольку и они не беспокоили какой-либо резью, барон, надеясь, что и это пройдёт само по себе, не стал особенно огорчаться. Ему сейчас не до подобных пустяков... Сегодня – по предупреждению графа Безбородко – вот-вот должен прийти посыльный с приглашением на высочайшую аудиенцию матушки государыни. Осип Андреевич с нетерпением ждал...

Дабы не метаться в спешке, коли посыльный придёт внезапно и очень рано, барон и завтракать уселся раньше обычного. Велел заранее приготовить карету. Возница, наверное, уже ждёт у дома.

И вот, облачившись в только на днях сшитую новехонькую форму генерал-поручика, он стал охорашиваться перед зеркалом. И, право же, хлопот добавилось. Если прежде, когда ещё был генерал-майором, ширина золотого шитья, похожего на лавровые листья, на воротнике кафтана составляла около полутора вершков¹⁴, то теперь к ней добавился ещё один ряд лавровых листьев шириной в вершок и проклятый, твёрдый донельзя, воротник стал от этих двух рядов золотого шитья ещё выше. И то ли от того, что барон ещё не привык к обновке, то ли из-за какой-либо оплошности портного – словом, хоть и носил-то этот кафтан всего ничего, а он успел таки изрядно натереть барону шею. Повязав по военному артикулу¹⁵ шарф на пояс¹⁶, барон теперь, дабы не беспокоиться из-за твёрдого воротника, представая перед матушкой государыней, искал пути поправить положение.

¹⁴ Парадные кафтаны при Екатерине II имели золотое шитье в виде гирлянд из дубовых или лавровых листьев по воротнику, обшлагам, карманным клапанам, по краям бортов и разрезам фалд. Шитьё было двух ширин – узкое, шириной в пол-вершка (2.2 см.), и широкое, в вершок (4.4 см.). По числу рядов шитья и различались чины генералов:

- бригадир – один ряд узкого шитья;
- генерал-майор – один ряд узкого и один ряд широкого шитья;
- генерал-поручик – два ряда широкого шитья;
- генерал-аншеф – два ряда широкого и один ряд узкого шитья;
- генерал-фельдмаршал – аналогично генерал-аншефу и, кроме того, один ряд широкого шитья по всем швам кафтана.

¹⁵ Артикул – военный устав.

¹⁶ Обвязав пояс шарфом – когда генералитет являлся на торжественный приём, он должен был опоясываться шарфом.

Пока суетился, успел уже окончательно наступить и бледный зимний рассвет. От снега мир стал несказанно светлым, всё вокруг намного чище и свежее, чем вчера. Когда барон натянул перчатки из лосиной кожи и аккуратно водрузил на голову треуголку с совиными перьями, весь его облик преобразился – будто белоснежное свечение зимнего рассвета перекинулось вдруг с округлого большого зеркала непосредственно в его светло-сероватые глаза и на его скуластое лицо.

В этот момент и раздался стук в дверь.

– Ваше высокопревосходительство! – позвал застывший, будто проглотил оглоблю, посыльный. – Дозвольте доложить: вас вызывает его сиятельство граф Безбородко!

Барон чуть наклонил голову и, не медля, направился к выходу.

* * *

Оказалось, Александр Андреевич с нетерпением дожидался его в своём кабинете. Когда барон вошёл, граф тут же отодвинул в сторону груды бумаг в беспорядке лежавших перед ним, и начал без обиняков:

– Я прочитал ваш доклад, господин барон! – чуть шевельнул он лохматыми бровями, каждая волосинка которых, разбрызгивалась в разные стороны.

Судя по тому, что граф заговорил, вонзая свои глубоко запавшие глаза прямо в грудь собеседника, у барона закралось опасение, не кроется ли за этими словами какое-либо недовольство? – Вы, кажется, хорошо поняли положение края, куда должны будете отправиться. Особенно по душе мне пришлось мнение об ещё большем укреплении пограничных линий... – спокойно и ровно продолжил граф.

У барона отлегло от сердца.

– Разумеется, если явится необходимость что-либо добавить или убрать, это найдёт отображение в инструкции, которая будет вам вручена позже. А пока мне нечего сказать, кроме как пожелать вам удачи.

– Честь имею!.. – Барон чуть не вскочил с места. При сильном волнении лицо его бледнело, а лоб, наоборот, становился пунцово-красным. Так случилось и в этот раз. – Буду всегда считать себя вашим должником за вашу заботу, Ваше сиятельство!

– Ну-ну... полно! А какие будут пожелания у вас, барон? Не смущайтесь... Говорите без стеснения!

– Поскольку основное я изложил в своём докладе, то теперь уже буду осматриваться, когда приеду на место...

– Хорошо, хорошо! Пожалуй, и это правильно... – На миг задумавшийся Безбородко, посидел, стуча пальцами по столешнице, и внезапно поднялся с места. – Коли вам больше нечего сказать, ну-ка... тогда тронемся, барон!

– Извольте, Ваше сиятельство!

* * *

Наступил, наконец, и долгожданный момент.

Императрица собиралась принять их в знаменитом тёмно-красном зале, посвященном блаженной памяти Петра Великого. Барон воспринял это как добрую примету. Ибо, в этом зале, высокие потолки которого были безупречно отделаны узорчатой резьбой, а великолепные золотые украшения просто слепили глаза, не

часто проводили подобные аудиенции. И то, что его, барона, будут принимать именно здесь, он воспринял как особое внимание и милость. И настолько поверил в это доброе предзнаменование, что даже когда спустя какое-то время ожидания в приёмной, его действительно вызвали к Императрице, он даже не успел испытать никакой растерянности... Смело, чеканя шаг, переступил через порог и пошёл прямо к владычице короны, сидевшей на золотом троне, расположенном на возвышении в самом центре этого равно прекрасного и торжественного зала со стенами, забранными кроваво-красным бархатом. С действительно, как и говаривали, безупречно белыми, как свежеччищенное яйцо, мраморными колоннами. И, остановившись, не дойдя нескольких шагов, чуть задержался в приветственном поклоне, склонив свою голову и даже выпяченную грудь. Затем, неспешно выпрямившись, снова замер, вытянувшись в струнку.

И только тогда сидевшая на золотом троне, водружённом на высокий постамент, сияющая облием драгоценностей, с характерно, по-монаршьи откинутой назад головой, Императрица, желая отчётливей разглядеть, каков он, человек, пришедший к ней на приём, совсем ненадолго остановила свой взгляд на нём. И сразу же, оценив, что стоявший перед ней, вытянувшись в струнку, с треуголкой, покоящейся на запястье согнутой в локте левой руки, но при всём дежурном подобострастии не отводящий суетливо взгляда и не терявший чувства собственного достоинства генерал был собран и подтянут (человек, как видно, бывалый, немало повидавший в жизни), сделала знак, что разрешает начинать аудиенцию. Она едва заметно кивнула, выделив взглядом в скульптурно застывшей по правую её руку группе сановников графа Безбородко.

И тут же Безбородко, и прежде приводивший уже не одного соискателя на разного рода высочайшие аудиенции Её Величества государыни, выпрямился в рост, сделал по предписанному положению три шага вперёд и, остановившись у отделанного серебром небольшого круглого столика, провозгласил громким, торжественным голосом:

– Ваше Величество... Барон Осип Андреевич Игельстром, назначенный лишь недавно вашим всемилостивейшим повелением генерал-губернатором Уфимского и Симбирского наместничества!

– Удачи барону в новом деле! – Высоко вздёрнутый подбородок Императрицы принял нормальное положение.

Осип Андреевич же, опустив голову как можно ниже, молча поклонился ещё раз.

И без того спорый в словесах и жестах, приземистый Безбородко теперь и вовсе зачастил:

– Генерал-майор Игельстром, являвшийся командующим одной из наших пехотных частей в Польше, был вызван с прежнего места службы и своевременно ознакомлен со всемилостивейшими указами Вашего Величества о его назначении генерал-губернатором Уфимского и Симбирского наместничества и о том, что ему присвоено звание генерал-поручика...

– От имени нашего величества ещё раз поздравляю барона с новой должностью и высоким чином! – произнесла Императрица, чуть повысив голос. Затем опять вздёрнула подбородок: – Усердная служба каждого сына Отечества, не пятнающего короны и престола Российской империи... и честь русского мундира, отмечается... и будет всегда отмечаться подобным образом!

Барон ещё ниже склонил голову и отвесил ещё более долгий, чем прежде, по-ясной поклон.

– Назначенный генерал-губернатором Уфимского и Симбирского наместничества барон Игельстром... – громко вещал Безбородко, – ...полностью ознакомлен со всеми имеющимися у нас сведениями о положении дел краёв, куда он направляется, и о состоянии пограничных линий той стороны. Каково его мнение об этом, он подробно изложил в своём рапорте, сданном в Коллегию Иностранных дел. Теперь..

– Погоди-ка немного, голубчик, – прервала Императрица. – Одно лишь слово... Приходилось ли генералу прежде бывать в тех краях или.....

– Разумеется, Ваше Величество! – поторопился Безбородко, при этом глаза его запали ещё глубже (про себя успел подумать: «Какова необходимость спрашивать об этом теперь, когда уже вышел Указ?»). – Вы точно упомянули!.. Генерал-поручик Игельстром в пору подавления давнего восстания самозванца Емельки¹⁷ в качестве командира эскадрона улан бывал в Уфе...

– Charmant, charmant¹⁸ – отозвалась Императрица. Затем перешла на русский: – Похвально, граф! Похвально...

По непроницаемому лицу молча и вежливо вытянувшегося рядом президента Коммерц-коллегии Воронцова ничего не понять, а вот изначально предложивший барона на эту должность князь Потёмкин после этого высочайшего вопроса разволновался похлеще, чем Безбородко. И про себя вновь признательно оценил казавшуюся обычно чрезмерной дотошность Александра Андреевича. Ай да молодец! – он не успокаивался, пока не уточнял доподлинно не только всю родословную каждого назначаемого на должность, но и ещё проверял сам, чем, где и как тот занимался. В данном случае ответ прозвучал настолько уместно и убедительно, что князь, тоже явившийся на аудиенцию Её Величества, тщательно разодетый в форму генерал-фельдмаршала, стал довольно поглаживать свой шитый золотом мундир и не в силах сохранять статуиную мраморную неподвижность, переступал плавно, то и дело лукаво поглядывая единственным глазом на стоявшего рядом с ним Воронцова.

Императрица поворотилась лицом к Игельструму.

– Да, генерал... – сказала она теперь ему тоном балованной женщины, – ...каковы же сейчас перспективы налаживания положения дел в тех краях, где вы и сами прежде бывали? Хоть мы в целом и знакомы с вашим рапортом, однако хотели бы услышать основные ваши мысли из ваших собственных уст...

Осип Андреевич, слава Богу, давно готовился к этому вопросу.

– Ваше Величество... – сказал он мягко, – я не мог рассматривать перспективу установления спокойствия на тамошних пограничных линиях отдельно от сохранения спокойствия кочующего по обе стороны границы подвластного вам народа. Как я и излагал в том самом рапорте, который сдал в Коллегию Иностранных дел, дабы привести к должному порядку и довести до тишины, спокойствия и послушания эти не имеющие основательного постоянного места обитания, безместные кочевые народы, в первую очередь следует ещё более укрепить их доверие и приязнь к самому чину генерал-губернатора, кто бы ни был на этой должности. И если в этом отношении у меня есть пункты, где я принципиально не могу согласиться с политикой тех, кто возглавлял край до меня, то прошу не ставить мне это в вину, Ваше Величество!..

¹⁷ Говорит об Емельяне Пугачеве.

¹⁸ Charmant – (франц.) очень хорошо, достойно похвалы, прекрасно.

Весёлая усмешка в глазах Императрицы вмиг исчезла. И она тут же спросила весьма серьёзным тоном:

– И какое же это несогласие, генерал? Как бы то ни было, надеюсь, этот ваш *principes*¹⁹ не противоречит интересам Империи?!

– Разумеется, Ваше Величество!

– И в чём же это принципиальное несогласие?

– Ваше Величество... Во-первых, меня заставило сильно задуматься то, что многолетние столкновения только с киргиз-кайсацким народом, который более полувека уже является подданным России, всё равно не позволили нам установить там спокойствие. Почему так происходит? Потому, полагаю, что, «жестокость рождает только кровопролитие», как вы часто напоминаете нам. Но по сию пору все, кто возглавлял край, обеими руками намертво вцепились в давнюю традицию покойного тайного советника Ивана Ивановича Неплюева, утверждающую, что «подвластные нам народы следует держать в страхе силой оружия». И неизменно пользовались только ею. Считаю это наиглавнейшей ошибкой и в принципиальной форме не согласен с этим методом... («Не слишком ли я перегнул?») – смутился, было, в душе барон).

– Продолжайте, генерал, – государыня дала знать, что слушает со вниманием.

– ...Вместо этого, счёл бы более правильным и целесообразным принять к руководству рождённые вашим всемилостивым сердцем добрые советы. К примеру, в вашем же рескрипте, написанном 27 декабря 1782 года бывшему до меня наместнику Уфимского и Симбирского наместничества генерал-поручику Акиму Ивановичу Апухтину сказано: «Разумно исполнять генерал-губернаторскую должность – не означает то и дело наскакивать, демонстрируя лишь силу войск и оружия; а означает, наряду с тем, и умение, неукоснительно соблюдая законы, через это вызвать уважение и почитание и к себе, и к нашей и м п е р и и даже у самых диких и у самых отсталых народов...».

– *Oui, oui! Les bonnes principes*²⁰ – сказала Императрица, снова высоко поднявши голову. Затем, поочередно окинув взглядом сперва вытянувшихся в струнку по правую руку от неё князя Потёмкина и графа Воронцова, потом застывшего у круглого столика, неотрывно, как учитель за любимым учеником, отслеживающего каждое слово барона, графа Безбородко. И пояснила свою мысль: – Хотя от нашей высочайшей милости такой совет и был дан уже давно, всё же у нас нет пока основания не признать, что он, совет этот, не используется должным образом, господа! Не так ли, граф?

Поскольку сказано это было тоном, как бы означавшим: «Кто-кто, а ты-то это знаешь», – граф Безбородко, хоть и не мог припомнить сейчас ничего подобного сей сентенции, всё же чуть склонил голову, показывая: так оно и есть!

Императрица вновь оборотилась к Игельstromу:

– ...Вы можете быть полностью уверены, барон, что это ваше мнение всегда найдёт поддержку у нашей царской милости, – сказала заботливым тоном. – Да-да! И жестокость, и жёсткость должностных лиц совершенно чужды нашему сердцу, созданному лишь для проявления милости и заботы по отношению к подвластному нам люду. К тому же подобное их поведение абсолютно противо-

¹⁹ *Principes* – принцип, мнение...

²⁰ Да, да! Правильный принцип!

речит направлениям, которые отмечены в наших высочайших государственных Указах. Поэтому следует, по возможности опираясь на букву закона, действовать именно разумным, без перегибов, образом. Мы всецело поддерживаем это ваше мнение... Поддерживаем, барон!

Окрылённый одобрением государыни, барон подумал: «Передал ли Её Величеству князь мою просьбу, которую я ему высказал в прошлый раз или не передал?» – и, чуть помедлив, решился самому, напрямую высказать ту свою мысль перед Её Величеством.

– Ваше Величество... – сказал, чуть склонив голову и показывая, что просит дозволения высказаться. – Ваше Величество, *me permettez vous de vous parler franchement?*²¹

– Разумеется, генерал! *L'exige toujours...*²² – отозвалась Императрица с ещё большим вниманием. – Ну, что же вы ещё хотели бы сказать?

– Ваше Величество! Полагаю, единственный путь установить спокойствие на тамошних пограничных линиях и тем самым привести к порядку киргиз-кайсацкий народ, который уже более полувека находится в подданстве России, – это подчинить его общему для всей России Закону. То есть, в соответствии с «Учреждением для управления губерний» 1775 года и в Оренбурге нужно создать Пограничный суд. Есть и ваше высочайшее повеление по этому поводу от мая месяца прошлого, 1784, года бывшему наместником до меня генерал-поручику Акиму Ивановичу Апухтину. В перспективе я намерен держаться именно этого направления, за то прошу не винить меня, государыня!..

– *Charmant, charmant, baron*²³! – Императрица ещё более посветлела лицом и теперь подняла подбородок в сторону графа Безбородко. – Разве по этому поводу со стороны нашей высочайшей милости не было послано специальное указание, граф?! Коли это дело, на которое не хватило умения у генерал-поручика Апухтина, сможет претворить в жизнь господин Игельстром, то следует на пути к этой цели не жалеть ни средств, ни поддержки. Если нам удастся уладить политическим путём – через подчинение Закону – то, чего мы так и не смогли добиться силой оружия после стольких столкновений, то не будет победы более этой. К тому же нам не придётся давать повод для шумихи нашим европейским соседям, которые прислушиваются заворуженно к каждому громкому звуку русского оружия на наших границах со стороны Кавказа и Крыма, готовые вопить, что ни день, обвиняя нас во всех тяжких грехах. Не так ли, граф?

– Разумеется, Ваше Величество! – Безбородко склонил голову.

– Что скажете, князь?

– Судя по известиям, поступившим в Государственную Военную коллегияю... – Потёмкин заговорил, придавая вес каждому своему слову, – на Уральских пограничных линиях сейчас разгорелись столкновения, матушка государыня. Думаю, не следует скрывать, что положение складывается сейчас не самым лучшим образом для нас. Поэтому политика политикой, но считаю, для того, чтобы проводить её успешно, – за нею должна всё же стоять и военная сила. С этой целью Военная коллегия сейчас формирует один драгунский полк и шесть батальонов, составленных из мушкетёров, готовя их к отправлению в Оренбург.

²¹ Ваше Величество, не позволите ли открыто высказать мое мнение?

²² Это то, что я всегда требую от людей...

²³ Очень хорошо, барон!

– Очень хорошо, князь! В любом деле следует тщательно обдумывать все «за» и «против», дабы потом не пришлось кусать локти... Барон! – обернулась Императрица теперь лицом к Игельstromу. – Вы посмотрели своими глазами, как формируются новые подразделения войск?

– Разумеется, Ваше Величество! – Игельstrom снова склонил голову.

– И каково же ваше впечатление?

– Их подготовка оставила у меня очень хорошее впечатление, государыня! Только...

– Почему вы сбились? Не смущайтесь... Говорите, барон!

– Только хотел бы обратить внимание, Ваше Величество, что поход такого количества военных сил потребует выделения немалых денежных средств. Однако в нынешних условиях...

– Об этом не беспокойтесь. Это – наши заботы, барон!

– Простите, Ваше Величество...

– А какое пожелание и поручения будут к наместнику у Коммерц-коллегии? Александр Романович, вам слово...

– Ваше Величество, Вам, разумеется, и самой ведомо, что Российская империя во все времена стремилась через земли, куда предстоит отправиться барону, оживить торговлю с Азией... В нынешних условиях, как и сказал князь, хотя мы что ни день терпим столкновения, Коммерц-коллегия не может сказать, что наши более чем полувековые торговые и меновые отношения с кочевыми народами на Уральских пограничных линиях со временем исчезнут и забудутся совсем бесследно. Нет. Потому как, сами ничего не производящие, эти кочевые народы за полвека распробовали русские товары – увидев их своими глазами, ощутив их своими руками, оценив их доступную стоимость, словом – привыкли пользоваться ими. Поэтому если там установится хоть малейшее спокойствие, то, несмотря на некоторое сопротивление отдельных их высокомерных и чванливых вождей-пустозвонов, несмотря на их запреты и запугивания, не должно вызывать никакого сомнения, что основные массы народа снова повалят на Оренбургскую ярмарку. А об ещё большем оживлении в Оренбурге торгового и менового дела, а также об отправке через Киргиз-кайсацкую степь торговых караванов в ханства Средней Азии Коммерц-коллегия уже советовалась с его высокопревосходительством господином Игельstromом... И указания, подготовленные от имени Вашей высочайшей милости, в нужное время будут вручены господину наместнику.

– Очень хорошо! Что скажет на это сам барон?

– Ваше Величество! Полагаю, его сиятельство... Александр Романович выразился очень верно. Открытие в местах, близлежащих к границе, большого числа торговых и меновых точек, обновление Оренбургской ярмарки не только обогатит казну нашей Империи, но и наряду с тем повысит интерес подданных нам народов к русским промышленным товарам и создаст удобные условия для ещё большего привлечения этих народов к нам. А то, что степняки самые необходимые, повседневные товары станут вынуждены приобретать только у нас, несомненно, поневоле сделает их ещё более зависимыми от Империи и они, грубо говоря, подобно лошади на привязи будут кружиться только вокруг нас. Они, во-первых, убедятся, что не извлекут никакой пользы от разрыва со стоящей намного впереди них соседней, русской страной. А во-вторых, поймут, что нет

ничего предосудительного в том, чтобы соответствовать образцам столь развитой страны, её законам и порядкам. И рано или поздно невольно подчиняется единому для всей России Закону.

– Oui, oui, baron! Je treuve guец'est charmant,²⁴ – сказала Императрица, открыто выражая удовлетворение этой его мыслью. – Только бы нам сопутствовала удача! Сказать по правде, о тамошнем положении мы знаем не лучше вас, дотошно ознакомившегося с киргиз-кайсацкими делами. Не так ли, господа? – Царица, бросив взгляд в сторону по-прежнему в струнку вытянувшихся по правую её руку своих сановников, поочередно оглядела их. – Поэтому, какая вам, генерал, надобна помощь, дабы реализовать ваши планы? Какие имеются просьбы? Смело скажите теперь об этом, барон!

– Ваше Величество, за оказанное вами мне доверие я всю жизнь в долгу перед вами! – вымолвил Игельстром, ещё раз поклонившись государыне. – Ваш покорный слуга будет, не жалея сил и усердия, неукоснительно исполнять исходящие от Вашей высочайшей милости указания и инструкции! Наряду с тем, было бы нечестно с моей стороны, не поделиться с Вами мыслью о том, что хорошо бы несколько расширить полномочные права наместника в тех местах...

– Господин генерал, вся власть на местах и без того навсегда отдана наместникам... Что значит «несколько не расширить полномочные права»?

– Ваше Величество, если скажу лишнее, заранее прошу у Вас прощения... Однако, судя по документам, с коими ознакомился, оценка столкновениям на местах и действиям принимавших в них участие башибузуков – дела по их осуждению или оправданию – по сию пору производятся путём доставления подозреваемых в губернские центры и решаются там же. Порой даже для улаживания мелких скандалов и раздоров приходилось подолгу ждать специальное указание со стороны Правительства. Поскольку наместник является доверенным лицом, назначенным высочайшим Указом Вашего Величества и, как и сказано в вашем, уже упомянутом мной рескрипте: «дабы вызвать уважение и почитание и к себе, и к нашей империи даже у самых диких и у самых отсталых народов...», то, почему бы наместнику самому не улаживать положение дел на местах и не быть вправе самому принимать решения? Вот, что хотел бы выразить я.

– Мысль ваша небезосновательна... Однако кто может дать гарантию, что в таком случае со стороны наместника не будет вмешательства в функции суда? Это вы учли, генерал?..

– Разумеется, Ваше Величество! Но ведь не все виновные являются преступниками, которых непременно следует судить. К тому же, если есть человек, признанный виновным, то ведь первым, кто передаёт его суду и является сам наместник. Поэтому было бы справедливо, не доставляя всех, кроме тех подозреваемых, преступления которых явны и очевидны, в расположенный весьма далеко губернский центр и не дожидаясь, сложив руки, специального указания от Правительства, иметь дозволение – высочайшим повелением Вашего Величества – наместнику решать такие тяжбы самому.

– Подумаем... Посмотрим. Какие ещё будут у вас просьбы?

– Ваше Величество, еще, коли вы мне позволите...

– Говорите, барон! Говорите, не стесняйтесь...

– Ваше Величество, полагаю, вашей высочайшей милости ведомо, что я чисто военный человек и по сию пору не занимался ничем иным, кроме военных дел. Тем не менее теперь, после моего назначения генерал-губернатором, безусловно, буду отвечать не

²⁴ Да, да... барон! Я нахожу, что это прелестно!

только за воинские части, но и за всю жизнь и быт краев, куда отправляюсь, за их расцвет и развитие. Поэтому в интересах дела хотел бы откровенно высказать одну правду...

Императрица напрягла внимание.

От сильного волнения лицо барона по обыкновению стало несказанно бледным, а лоб, наоборот, мгновенно покраснел. Однако, как говорится, назвался груздем – полезай в кузов.

– Ваше Величество, – проговорил барон несколько сбивчиво. – У каждой службы бывают свои секреты и закавыки... И внутренние, и внешние торговые дела, в коих сейчас столь сильно заинтересована наша Империя, я воспринимаю, как одно из таких своеобразных, многотрудных дел. К тому же вынужден признать перед вами, что знания мои в этой сфере намного ниже моих военных знаний. Поэтому не соблаговолите ли вы оказать милость... и назначить мне знающего помощника. То есть, советника, который содействовал бы рассмотрению мною столь многосложных дел с государственных позиций...

Похоже, Императрица не ожидала столь открытого и искреннего признания. Поэтому несколько задержалась с ответом.

– Господин барон... – начала затем тоном матери, которая старается оправдать наивную неосторожность своего дитяти. – Только потому, что мы поверили в сказанное вами от чистого сердца, в искреннее, хотя и щекотливое, признание, нам придётся принять эту вашу просьбу. Поглядим... – Императрица поглядела в сторону Воронцова. – Не так ли, граф? Подумаем... Ладно! Что ещё скажете?

– Поскольку по вопросам, связанным непосредственно с моей служебной деятельностью, я полностью высказался в моём рапорте в Коллегию Иностранных дел, думаю, что с остальным разберусь сам, уже на месте, Ваше Величество. Было бы замечательно, если бы вы и впредь, дополняя и поправляя, коли будут упущения и недостатки, посылали бы Ваши высочайше милостивые советы.

– В каких бы уголках, в каких бы даях вы ни находились, Великая Россия, русский народ, Российская корона и престол никогда не забывают о преданной службе своих сынов! Если сумеете привести к порядку и приобщить к общему для всей России Закону этот до сих пор неведомый норовом, неровный характером, строптивый киргиз-кайсацкий народ и тем самым сможете установить у них дисциплину и спокойствие, можете верить всецело, что ваш беззаветный труд на благо России не останется без внимания.

– Интересы матушки России являются интересами чести и совести, государыня! Честь имею... – низжайше склонил голову барон и тут же ощутил, как взмок его лоб. Потребовалось мгновение, чтобы прийти в себя, и именно в это мгновение прозвучали заключительные слова Императрицы:

– Счастливого вам пути, генерал! – только и расслышал он.

Аудиенция завершена.

* * *

Как будто снявший с плеч некий тяжкий груз, вышел барон Игельстром из дворца вместе с Безбородко.

Шёл, радуясь и доброму отношению к себе князя Потёмкина и графа Воронцова, которые будучи довольны тем, что он прошёл испытание без сучка и задоринки, сердечно простились, поочерёдно пожав ему руку, но и вдвойне поражён был он столь радушному приёму императрицы.

– Господин барон! – с улыбкой глядя на него, сказал вдруг Безбородко, когда они уехали в карету. – Господин барон, коли и дальше будете вести себя подобным образом, то можете, видать, уже в ближайшее время прыгнуть ещё выше. Сказать по чести, вы поразили меня.

– Каким же образом, Александр Андреевич?.. Каким же это образом я вас поразила? – спросил ещё полный впечатлений от аудиенции, занятый своими собственными мыслями и не успевший оценить остроу барон.

– Полноте-полноте! Скромность, конечно, – штука хорошая! – поддел его граф. – Однако меня поразили эти ваши... не отражённые в рапорте, смелые рассуждения о привлечении туземных народов к общему для всей России Закону и то, что вы сумели весьма убедительно высказать их перед Её Величеством. Повторяю, Осип Андреевич, этот момент очень мне понравился. Очень...

– Премного благодарен, Ваше сиятельство. Даже не подозревал, что несколько моих фраз так придутся вам по душе...

– Ладно-ладно, я уже сказал, скромность, конечно, – вещь хорошая... И всё же, барон, скажите: почему же вы нас не сочли нужным уведомить, что имеете подобные мысли?

– Приношу мои нижайшие извинения, Ваше сиятельство! Во-первых, для этого просто не оставалось времени. Во-вторых, счёл неуместным вносить в рапорт об улаживании положения дел на пограничных линиях довольно спорный вопрос. И всё же...

Барон замялся.

– Я слушаю вас, барон! – сказал граф ровным и спокойным тоном.

– ...И всё же было бы несправедливо считать, что я никому об этом не обмолвился ни словом. Краешек сего вопроса я высказал князю Потёмкину, Ваше сиятельство. Однако, поскольку его светлость особо не отреагировал на него, я, действительно, попридержал себя.

– Так, значит... Уж конечно, чтобы обозначить перед Её Величеством подобную проблему, нужно было наперёд обдумать её... Значит, дали знать князю.

– Разумеется, ваше сиятельство!

– Лады-лады! Как бы то ни было, ратую за то, чтобы ваш замысел был претворен в жизнь, ваше высокопревосходительство. Только теперь уж скорее готовьтесь в дорогу. Наверное, нет надобности говорить вам, что вас ждёт множество запутанных и скандальных дел... Э-э, да мы уже и к Коллегии подъехали. ...Идёмте, поговорим ещё немного у меня в кабинете.

– Извольте, Ваше сиятельство.

* * *

– Осип Андреевич, я вам сказал уже недавно, что ваши смелые рассуждения о привлечении туземных народов к общему для всей России Закону, понравились мне. Да, понравились! – повторил граф, продолжая прерванный разговор после того, как они вошли в его кабинет и сели за стол. – Однако, если я правильно расслышал, вы, кажется, сказали: «Не могу рассматривать дело налаживания спокойствия на границе раздельно от сохранения общего спокойствия подвластного нам народа, кочующего по обе стороны линии»... Как понимать эти ваши слова? Скажите, с чего же вы, в таком разе, намерены начать? Хотите заставить прекратить столкновения уральских казаков и киргиз-кайсаков? Или надеетесь помирить с давних пор ненавидящих друг друга – башкир и киргизов? Или же враждующих испокон веков калмыков и кайсаков?

– Ваше сиятельство! Я, вроде, откровенно выразил своё мнение по этому поводу. Хотя сомневался прежде в том, что поддержат мою точку зрения в этом вопросе... Но во время аудиенции стало же понятно, что таково и желание самой Императрицы. Да, действительно же, как бы мы не называли эти народы, разве они не есть наши подданные?! А любой народ, находящийся под золотым скипетром Её Величества, разве не обязан трепетать перед нею, если гневается, и согреваться теплом Её милостливого сердца, если самодержица проявит доброту! А если и так, то действительно должна быть большая польза для России в том, что уральские казаки и киргиз-кайсаки, или же башкиры и киргизы, а то и калмыки и кайсаки – короче, все наши подданные – перейдут к мирному сосуществованию. А если некоторые из них вдруг сойдут с пути согласия, обеспечивающего покой и их самих, и их соседей, то необходимо им напоминать, что имеются железные удила, которые быстро приструнят и образуют таких неслухов. Об этом я специально писал и в переданном вам рапорте.

– Да-да! Такие суждения в рапорте присутствуют. Однако верите ли вы, что после действий покойного Ивана Ивановича Неплюева и всех последующих генерал-губернаторов, державшихся накрепко той же неплюевской политики и устроивших так, что киргиз-кайсаки грабили и избивали башкир, кои после поражения восстания во главе с Батыршой Алиевым²⁵ бежали в киргиз-кайсацкие степи; калмыков-торгаутов, когда те в пору своего великого бегства²⁶ во главе с Убаши-тайцзы шли через эти степи; верите ли вы, что после всего этого теперь между ними можно установить согласие? Скажите честно, Осип Андреевич, вы сами-то, в первую очередь, верите этому?

– Верю, твёрдо верю, Ваше сиятельство! Ибо, если всмотреться в состояние дел между этими подданными нам народами, то можно заметить, что их столкновения более похожи на противостояние смутьянов и неслухов двух народов, нежели на вражду между самими народами. А ежели, когда дерутся двое сорвиголов, вмешается третий, более взрослый человек, и разберонит их, что же тут плохого? Не говоря уже о том, что эти двое хоть и дерутся самым отчаянным образом, избивая друг друга из упорства и чувства чести, а сами же, может быть, в душе и молят Бога, дабы нашёлся хоть кто-то, который вмешался бы и остановил их. И думаете, они не чувствуют, что давно уже являются подданными гораздо более сильной, чем они сами, страны, – России?.. Разумеется, чувствуют! К примеру, лет двадцать тому назад нынешний киргиз-кайсацкий хан Нуралы, недовольный неким действием Оренбургской администрации и в связи с этим выставивший свои условия, заявил: если не будет выполнено его пожелание, то он-де обратится за помощью к китайскому богдыхану или к афганскому падишаху и повернётся лицом к ним. А тогдашний наш вице-канцлер сказал ему: «Только не надо нас пугать ни китайцами, ни афганцами. Даже если не только они, но и вся Азия поднимется против нас, в настоящее время стоит только Её Величеству императрице молвить словечко, и наше великое государство сможет найти силы противостоять любому пожару в той стороне». И после этого все поубавили свою прыть, не выдвигая больше подобных ультиматумов. И если теперь такая могучая страна,

²⁵ Батырша...Алиев – (Абдулла Алиев, 1710-1762). Мулла. Руководитель восстания башкир 1755 г. В 1756 году посажен в Шлиссельбургскую крепость.

²⁶ Великое бегство калмыков во главе с Убаши-тайцзы – речь идёт об одновременном бегстве калмыков в 1771 году назад, в Джунгарию (К.М.)

как Россия, пресечёт беспорядки среди своих подданных, урезонит смутьянов и неслухов, станет всё улаживать общими законами и правилами, найдётся ли человек, который открыто откажется от этого? Не знаю... Это и было причиной того, что я столь уверенно высказал своё мнение, ваше сиятельство! В истории человечества, пожалуй, не бывало народа, который бы не принял справедливости и общего для всех закона, не покорился бы общим для всех задачам и долгу.

– Ла-адно! И всё-таки... В связи с тем, что с весны прошедшего года на пограничных линиях стало слишком беспокойно, мы потребовали вывести против киргиз-кайсаков большой вооружённый отряд и строго их наказать. Судя по известиям, поступающим с Уральских пограничных линий, в пору таких походов киргиз-кайсаков, похоже, сильнее, нежели наши казаки, теребили приданные к казакам башкирские отряды... Например, в одном из рапортов сотника Оренбургского казачьего войска Харитонова говорится, что пригнали пятьдесят шесть человек киргиз-кайсаков и далее: «...Мы бы их и не взяли в плен, да пришлось поневоле их пригнать, поскольку совсем уж озлобленные на них башкиры могли всех их вырезать». И волжские калмыки настолько озлоблены на киргиз-кайсаков, что безжалостно разграбили остаток людей и скота этих степняков, и без того потерявших урон в пору голода и мора 1782/83 годов. И произвол происходит отнюдь не без вмешательства наших генерал-губернаторов, издавна твёрдо придерживающихся политики не тратить русских войск на смуту туземных народов, а держать тех в узде, натравливая друг на друга. Вы, кажется, искренне хотите отринуть этот наш испытанный метод. И дабы претворить в жизнь ваш благородный замысел желаете пресечь вражду между туземными народами, с давних времён пылающих ненавистью друг к другу. Но как, каким образом, вы её пресечёте? Ведь сейчас враждуют даже два хана внутри той же одной Младшей Орды киргиз-кайсаков. Даже они, единокровные, не находят меж собой никакого согласия. Мало того, судя по донесениям, поступающим оттуда в последнее время, только среди люда, подвластного одному хану Нуралы, произошло разделение надвое. Говорят, сейчас они раскололись на две партии – с одной стороны – потомки ханов, с другой – батыры и бии, вышедшие из черни. Помяните моё слово: в таких условиях как бы не осталось пустой фантазией ваше стремление установить спокойствие среди них!

– И всё же и такие обстоятельства я учёл наперёд, Ваше сиятельство. Да, вы ведение сильных вооружённых отрядов или же натравливание туземцев друг на друга возможны. Но только в исключительном случае. А именно – когда какие-либо из наших подданных поднимутся вдруг всем миром. А что касается потуг отдельных групп бузотеров, как вы сами только что сказали, я твёрдо уверен, что их можно пресечь, жёстко натянув поводья и призвав зачинщиков к строгому ответу независимо, будь то ханская группировка или скопище черни. Почему? И уральские казаки (с ними проще – они же свои), и те же башкиры, калмыки, киргиз-кайсаки, да кто бы то ни был, про себя наверняка осознают, что за их преступления последует жёсткий спрос, что рано или поздно, но им придётся держать ответ перед Санкт-Петербургом, – и не было случая, чтобы они не озирались опасно в нашу сторону. Когда я ворошил архивные бумаги, фактов, доказывающих это, обнаружил предостаточно. И если присмотреться к этим фактам, то заметно, что любые из наших подданных всегда живут с оглядкой на каждый из указов с верхов – на всемилостивые повеления от имени Её Величества. И сие означает, что любое всемилостивейшее повеление Её Величества, каждое слово от государыни

уже превратились для них в закон и правило. Хотят они того или не хотят – и ханы, и чернь – но все они уже покорены нашему влиянию. А коли они сами уже признали Великую Россию в большом деле, то куда же им деваться, как не покориться её закону и порядкам и в повседневных наших взаимоотношениях? А если мы ещё и вынудим их склонить головы перед общим для всей России Законом, то что им останется делать, как не прислушиваться к любому нашему окрику? В конечном счёте это будет сделано и для их же пользы, для того, чтобы «установить общее спокойствие». А коли среди них всё же появятся те, кто выступит против, то, думаю, сам народ, изнемогший от набегов, не только не поддержит подобных нарушителей порядка, но и осудит их. И тем самым увеличит число тех, кто станет распространять идеи нашей политики. При таком раскладе претворение задуманного нами может, пожалуй, оказаться даже легче, чем представляется сейчас. Твёрдо уверен: установление спокойствия на границе начинается с успокоения народов, беспрерывно кочующих по обе стороны линии, ваше сиятельство.

– Хорошо. Удачи вам, барон... Я же сказал, что желаю вам только успехов. И всё же хочу предупредить: пока не увидите своими глазами положение на местах, не ознакомитесь с обстановкой, не спешите. Не предпринимайте никаких спешных действий. В таких случаях, воистину, следует семь раз отмерить и один раз отрезать. Повторяю, барон: ваша главная задача – следить за спокойствием на границе и за настроениям туземных народов, кочующих сразу по обе стороны линии. Придавайте большое значение взаимоотношениям с киргиз-кайсаками, повадки и помыслы которых и по сию пору остаются не совсем понятными нам. И оба глаза, и оба уха нацеливайте на Оренбургскую сторону, Осип Андреевич... на Ор-ен-бург-ску-ю сторону...

– К вашим услугам, Ваше сиятельство! Честь имею!

–Что ж, тогда ещё раз – счастливого вам пути! Канцелярия уже давно подготовила необходимые вам в вашей работе всемилостивейшие Указы Её Величества, а также указания и распоряжения нашей Коллегии. В добрый час, Осип Андреевич!

– До свидания, ваше сиятельство!

* * *

Спустя несколько дней вооружённые до зубов, собранные и подтянутые шесть батальонов, состоящих чисто из мушкетёров, и вновь сформированный драгунский полк – каждый с полагающимися им гренадёрскими ротами, со своими артиллерийскими командами, лошадьми и повозками, огромными саями, с обозами позади себя – сияя и блестя, подобно оловянным игрушкам, только выпущенным из завода, отражая солнечные блики своим снаряжением и оружием (это был вновь созданный большой отряд, бойцы которого ещё ничего, кроме войсковых учений, не испытали, лица их не обветрены, их дыхание ещё не тронул запах вонючей пороховой гари, если хотите, не знавшие сполна и пыли, которая ещё не приставала к их мундирам...) по самому центру города, трубя и маршируя, сплошным потоком выбралось это новоявленное воинство на Московскую дорогу.

Солнце, которое в это время года редко показывалось на северном небе, прищурилась, глядело на них, повиснув над Санкт-Петербургом. Тонкий ледок на снежном насте, мягчеющем чуток днём, а заполночь шероховато застывающем, слепил, не давая поднять взгляда. От этого ледяного блеска так и слезились глаза...

То ли от сознания того, что поток этого войска отправляется в незнакомый край, где неведомо что ждёт его впереди, то ли от самого вида этих пока ещё ничего не ведающих юных солдатиков, прямо-таки бахвалящихся тем, что идут с оружием в руках, и горделиво выпинающих свои груди, а скорее от тревожного понимания, что дальнейшие судьбы всех-всех их теперь доверены и поручены ему одному – словом, душу генерал-поручика вдруг обуяло острое, почти отцовское чувство.

– Да поддержит нас Бог! – то и дело повторял он про себя. – Только бы поддержал нас Бог...

Наплыв самых противоречивых чувств и мыслей долго не давал покоя взволнованной душе. Какая судьба ждёт и его самого там, у чёрта на куличках, в далёком и чужом Оренбургском крае и на расположенных ещё дальше за ним, Уральских пограничных линиях? Честь и слава, или чёрные дни, такие, что потом уже невозможно будет честно взглянуть людям в глаза?

Тревоги и сомнения, тревоги и сомнения...

К тому же дня два-три назад барон получил ответы на свои письма, отосланные им в канун Нового года... Один ответ порадовал, а другой огорчил.

«Значит, вы отправляетесь в места обитания моих исконных предков, в сторону беспредельных степей, – писал Яков Иванович... (тот самый близкий друг барона, русский посол в Порте Яков Иванович Булгаков) в начале своего послания. – Поздравляю вас, Осип Андреевич! Поз-драв-ля-ю! Хотя я и не видел их отродясь, однако моё существо то пылает, то его обдает стужей, когда слышу названия тех краев»...

В самом деле, когда, бывало в близкой компании все спорили до хрипоты, стремясь перещеголять друг друга своими предками, сообщая, кто от кого происходит, доказывая, у чьих пращуров поболее заслуг перед Россией, то и Яков не без гордости говаривал, что исконная родословная его идёт не от простых ветвей, что корни его исходят из дальних глубин – от самого хана Шай Булгака... В ту пору слушавший подобные утверждения с лёгкой улыбкой, не придавая им особого значения, теперь-то Осип Андреевич серьёзнее воспринимает тогдашние слова и чувства своего друга. В памяти барона урывками всплывало, что дальний предок Якова Шай Булгак-хан добровольно, с многочисленным народом своим, перешёл под власть великого князя Олега Рязанского. И не только перешёл, но и, приняв христианство, крестился под именем Иоан. Один из его потомков – Матвей Денисович Булгак в 1501 году активно участвовал в завоевании принадлежавших сыновьям хана Ахмета низовий Волги. Позже от него, Матвея Булгака, произошли и рязанские Булгаки. Мало того, когда в 1593 году построили Тюмень, то первым её воеводой был, оказывается, потомок того же Булгака – Юрий Матвеевич...

«Однако, – ...писал Яков Иванович, – как говорится, не та истинная мать, которая родила ребенка, а та, которая взрастила его. И об этом мы никогда не должны забывать. Ни Вы – отпрыск племени Вэнга, корни которого исходят из Вестготландии, ни я, предки которого являются выходцами из той самой бескрайней степи. Ибо мать наша – это Россия! Поэтому твёрдо верю, что будете преданно, твёрдо и мудро служить целям и задачам великой России».

Честь имею! – отвечив про себя генерал-поручик. – Честь имею, Яков Иванович! Бог свидетель, что отправляюсь единственно с целью беззаветно служить интересам матушки-России. Нет у меня иных намерений, кроме как установить на благо Империи спокойствие и на границе, и по обе стороны линии.

При воспоминании о пограничных линиях в памяти Осипа Андреевича вновь всплыл и рапорт Оренбургского обер-коменданта, пришедший разом с письмом Якова Ивановича...

Оказывается, в этом незнакомом краю, куда они теперь направляются – в окрестностях Оренбурга и на Уральских пограничных линиях (не считая регулярных войск в каменных крепостях и основательных форпостах), каким бы невероятно далёким его ни называли, сгруппировано немало войск.

«На сегодняшний день, – писал генерал-майор Зенбулатов, – в распоряжение дистанционных комендантов придано 1 300 конных казаков, 200 калмыков, 3989 башкир и мещеряков. Вдоль всей линии стоит всего 5489 штыков иррегулярных войск». – Вот и весь ответ, который прислал обер-коменданта в чине генерал-майора на запрос теперешнего своего нового начальника.

И ничего более. Не такого ответа ждал барон. Ему нужен был содержательный, развернутый рапорт с обстоятельными и дельными соображениями по состоянию и дальнейшему развитию военного хозяйства в крае. А это – отписка. Странный человек этот генерал-майор...

Ладно! Пусть даже состояние регулярных войск известно само по себе (регулярные войска – они же везде регулярные войска!). Но надо же было хотя бы расписать доподлинно, какое из регулярных войск в каких целях и в каких местах используется, в чём нуждается! Но ни словечка об этом... Непонятно, непонятно...

А потом... разумеется, пять с половиной тысяч человек – сила немалая. Однако если вдруг нависнет угроза над тянущимися, извиваясь, подобно тонкой кишке, пограничными линиями, то достаточно ли этих сил, чтобы полностью оборонять линию или недостаточно? Сие опять-таки неизвестно.

Из памяти наместника не выходили и тревожные слова служивых людей из Коллегии Иностранных дел: «...На пограничных линиях, куда вы отправляетесь, сейчас участились набеги. Особенно обострилась обстановка между киргиз-кайсаками и Уральским казачьим войском». «В связи с рапортами, поступившими от атаманов в Военную Коллегию, князь Потёмкин дал распоряжение совершить репрессалию против киргиз-кайсаков...» – нашептывали они. Как-то она там проводится, эта репрессалия? Лишь бы только не обострилась чрезмерно обстановка. Лишь бы... Быстрее бы добраться до места... Быстрее!

И будто подстёгнутые этой его мыслью, тесно окружённые двумя адъютантами, одним подпоручиком и двадцатью четырьмя верховыми охранения, крытые чёрные сани – лёгкие санки наместника с запряжёнными в них аж четырьмя лошадьми – в тот же миг, вздымая белоснежную пыль, вихрем понесли по накатанной дороге.

По предварительной договоренности, едва выбравшись из города, генерал со всею своею свитою должен был двигаться впереди, на некотором расстоянии, возглавляя своё многочисленное войско.

После того как выбрались из тесного города на простор, отряд несколько расправил строй и мерно продвигался длинной вереницею, похожей на караваны возвращающихся гусиных стай. И постепенно всё отставал и отставал, провожая взглядами новую свою надежду и опору – густо окружённые охраной удаляющиеся сани ещё одного новоявленного российского генерал-губернатора.